

ФЕЛИКС
РИХТЕР

ЗЕЛЁНАЯ
КРОВЬ
КНИГА 1

18+

18+

Феликс Рихтер

Атомный Энергетик.

Зелёная кровь. Книга 1

<https://litres.ru/74364012>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фредерик Ашикура поступает в университет на математическое направление. Для окружающих он — замкнутый, серьёзный первокурсник, но за этим скрывается то, что нельзя показать: его кровь зелёного цвета. Фредерик — Атомный Энергетик, живой ядерный реактор, вынужденный носить кольцо-инъектор, маскирующий кровь.

В центре повествования — исследование доверия, одиночества и цены, которую человек платит за возможность быть собой. Математика здесь — не фон, а самостоятельный голос: аксиомы и теоремы становятся метафорами человеческих отношений. Книга сочетает жанровую условность с безжалостным реализмом в описании университетской иерархии, травли, эмоционального насилия и особенной тоски, которая знакома каждому, кто хоть раз пытался быть собой в мире, где это запрещено.

Содержание

Предисловие автора	5
Пролог	18
Глава 1. Первый день	25
Глава 2. Год назад. Картография	31
Глава 3. Математический анализ	42
Глава 4. Первый день в столовой университета	58
Глава 5. Кипяток	70
Глава 6. Первый внутренний отпор	80
Глава 7. Примирение	94
Глава 8. Приглашение	102
Глава 9. Лекция по физкультуре	113
Глава 10. Зелёная ручка	123
Глава 11. Оранжевое пятно	140
Глава 12. Самурай и математик	146
Глава 13. Кофе и чизкейк	153
Глава 14. Трамвай	164
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Феликс Рихтер
Атомный Энергетик.
Зелёная кровь. Книга 1

Феликс Рихтер

Атомный Энергетик.
Зелёная кровь
книга 1

2026

Предисловие автора

Уважаемый читатель!

Прежде чем вы перевернёте первую страницу и шагнёте в мир, где зелёная кровь течёт по венам не для того, чтобы пугать, а чтобы напоминать о том, как хрупко человеческое доверие, позвольте сказать несколько слов о том, что именно вы держите в руках.

Это не просто книга. Это результат долгого, кропотливого труда, в котором каждая деталь имеет значение, каждый элемент подчинён единой цели — создать мир, которому можно верить. Автор сознательно строил повествование на трёх столпах: достоверная университетская атмосфера, подлинная математика и реальное время. Каждая сцена, каждый диалог, каждая деталь интерьера выверены таким образом, чтобы читатель, который когда-либо переступал порог университетской аудитории, мог сказать: «Я здесь был, я это помню». Это не метафора и не преувеличение — это результат долгой и усердной работы, в которой автор стремился к максимальной точности, потому что уважает читателя и не предлагает ему суррогата.

О предисловии

Автор отдаёт себе отчёт, что это предисловие по объёму сопоставимо с полноценной главой книги. Это не излишняя

самоуверенность, а сознательное решение: книга не укладывается в привычные жанровые рамки, и её интеллектуальный замысел требует предварительного объяснения. Без него внимание к деталям можно принять за излишнюю дотошность, медленный темп — за скуку, подлинную математику — за декорацию.

Вы можете пропустить этот раздел и перейти сразу к прологу. Сюжет останется понятным. Но вместе с сюжетом вы можете потерять ту глубину, которая делает книгу не просто историей, а интеллектуальным опытом. Предисловие — не инструкция, а приглашение. Если вы готовы уделить ему время, оно окупится сторицей. Автор не настаивает, а лишь просит: прочитайте. А потом, перевернув последнюю страницу, вы сможете судить сами.

О структуре математического обучения в повествовании

Автор сознательно выстраивает повествование вокруг реального учебного процесса — не как фона, а как одной и сюжетных осей. На протяжении всего цикла читатель шаг за шагом, день за днём, проходит вместе с героями через полный курс математического факультета. Каждая лекция, каждая практика, каждая задача — не случайная вставка, а органическая часть жизни персонажей, их способ мыслить, их язык общения и одновременно их убежище.

Это не означает, что книга превращается в учебник. Учебник требует усвоения и проверки знаний. Здесь же — при-

глашение к совместному проживанию. Читатель, не знакомый с предметом, не обязан понимать каждую формулу; достаточно чувствовать отношение героев к знанию. Тот же, кто знаком с математикой, найдёт в книге редкое удовольствие: подлинность. Никаких упрощений, никаких «интеллектуальных декораций», никаких ошибок.

Математика здесь становится самостоятельным голосом, участником диалога. Формулы спорят, определения уточняются, доказательства ищут свою красоту — так же, как герои ищут понимание. Для читателя-математика это встреча с тем, чего он, вероятно, никогда не встречал в художественной литературе: полным отсутствием дистанции между наукой и искусством. Здесь нет популяризации и снисходительности. Есть уважение. Есть признание того, что математика достойна быть изображённой во всей строгости — и что эта строгость помогает раскрывать внутренний мир человека.

Автор не обещает, что книга будет понятна каждому. Он обещает, что она будет честной.

Об университетской среде

Прежде чем появилась первая строка, был составлен учебный план, подходящий для математического факультета: расписание с разделением на верхнюю и нижнюю недели, перечень дисциплин, их последовательность, сочетание лекций и практик. Автор не придумывал дисциплины — он взял те, которые действительно читают на первом курсе математического факультета. Каждая из них присутствует в кни-

ге не только названием, но и содержанием. Физическая среда воссоздана с вниманием к деталям: столовые, библиотеки, спортивный зал, стадион — не просто названия, а пространства с собственной атмосферой, запахом, освещением и акустикой. Университет здесь не декорация, а самостоятельный персонаж: он дышит, меняется и присутствует на каждой странице.

О шрифте

Текст набран гарнитурой CMU Serif (Computer Modern Serif) — академическим шрифтом, созданным в рамках системы компьютерной вёрстки TeX. Этот шрифт традиционно используется в математических публикациях, диссертациях и научных статьях. Его присутствие здесь — не дань моде, а смысловой жест, указывающий на связь книги с интеллектуальной средой, которая в ней изображена. Автор сознательно избегал «декоративных» шрифтов, которые могли бы создать ощущение фэнтезийности или лёгкой беллетристики. CMU Serif сообщает читателю: «Здесь всё серьёзно. Каждая деталь продумана».

О математике

В большинстве произведений специальность героев остаётся внешней характеристикой. Здесь же математика — органический элемент повествования. Без неё многие сцены потеряли бы смысл: спор о базисах, решение задач на практике, объяснение сложной теоремы простыми словами. Автор вплетает в сюжет реальные математические концеп-

ции: аксиомы Цермело-Френкеля, принцип индукции, диагональный аргумент Кантора, метод Гаусса, теорему Кронекера-Капелли, функцию Эйлера. Все они не просто упоминаются — они вплетены в сюжет. Герои решают задачи, обсуждают их, ошибаются, ищут правильные пути. Математика живёт такой же жизнью, как и персонажи: у неё есть свои сложности, красивые моменты, разочарования и победы.

Математика становится метафорой: стройность теорем отражает стройность человеческих отношений, хаос бесконечных множеств — хаос эмоций. Для Фредерика математика — способ сохранить рассудок в мире, где его собственная природа угрожает ему и окружающим. Для его одноклассников — общее поле, где они могут быть равными, где не имеет значения, кто вы и откуда пришли. Идея о том, что наука может быть местом встречи для совершенно разных людей, пронизывает всю книгу.

О темпе повествования

Автор сознательно выстраивает ритм книги так, чтобы он отражал внутреннее состояние героя и постепенность его погружения в новую жизнь. Первые главы намеренно неторопливы: они дают читателю возможность освоиться в мире, почувствовать его атмосферу, понять правила, по которым живут персонажи. Это не медлительность ради медлительности — это способ создать то самое ощущение достоверности, о котором говорилось выше.

О персонажах

Автор создавал персонажей не «под задачу». Их характеры формировались годами. В процессе работы все персонажи обрели самостоятельность и внутреннюю логику, которая не позволяет им поступать «как удобно сюжету». В книге нет «статистов»: каждый имеет свой голос, свой способ мыслить.

Автор сознательно избегал шаблонов. Есть персонажи громкие и внешне экспрессивные, но их активность не делает их поверхностными. За шумом часто скрывается неуверенность, привязанность или страх быть незамеченным. Есть персонажи тихие и внешне пассивные, но их молчание не равно пустоте — оно может быть следствием травмы, привычкой наблюдать или способом сохранять внутренний мир. Эти различия не декларируются, а проявляются в диалогах, в выборе слов, в том, как они сидят или куда смотрят во время разговора.

Особое внимание уделено профессорско-преподавательскому составу. В книге нет «злых профессоров» или «добрых наставников» в чистом виде. Каждый преподаватель — человек со своим стилем, требованиями, своей историей. Они часть мира, у них есть свои задачи, свои симпатии и антипатии, своё представление о том, как надо учить. Они влияют на сюжет не только через оценки и задания, но и через то, как они видят студентов, как реагируют на их ошибки и успехи.

События и лица на этих страницах принадлежат только своему миру; параллели с действительностью — не более

чем оптическая иллюзия.

О возрастном рейтинге

Книга имеет возрастную маркировку 18+. Это честное предупреждение, а не маркетинговый ход. Первый том цикла — одна из ветлых полос. В нём присутствуют трудности, конфликты, сцены травли и насилия, но в целом он сохраняет ровную, камерную тональность. Он читается легко, оставляет ощущение тепла и, в определённом смысле, уюта. Однако автор сознательно предупреждает: это не свойство всего цикла, а свойство именно этого отрезка пути. Следующие тома будут углубляться, темнеть, становиться более плотными эмоционально и сюжетно. Контраст между белым и чёрным станет резче. Появятся темы, требующие взрослого восприятия и эмоциональной зрелости: длительное психологическое напряжение, последствия насилия, показанные не как «трагическое прошлое», а как живущее в настоящем и влияющее на поступки; отношения, которые не являются ни полностью здоровыми, ни полностью токсичными; моральные дилеммы, где нет правых и виноватых, а есть только цена выбора; тема утраты, которая не драматизируется, а проживается в бытовых деталях и молчании.

Маркировка 18+ не означает, что книга наполнена кровью, насилием или откровенными сценами в каждом томе. Однако она и не отрицает возможности их появления в будущих частях цикла. Если в какой-либо из последующих книг возникнут сцены, требующие подобной маркировки, они бу-

дут оправданы не стремлением к эпатажу, а необходимостью повествования — и не должны стать для читателя внезапным шоком. Именно поэтому предупреждение сделано заранее, в самом начале пути.

Важно понимать: если первый том показался вам лёгким, это не значит, что такими будут все последующие. Автор не обещает стабильной тональности на протяжении всего цикла. Напротив, он предупреждает, что динамика будет меняться, и перемены могут быть резкими. Тот, кто готов к углублению и усложнению, получит доступ к более полному и многослойному повествованию. Вы имеете полное право остановиться после любого тома, если почувствуете, что дальнейшее для вас нежелательно. Но если вы решите продолжить, вы должны знать: вы идёте в историю, которая не боится показывать и свет, и тень, и иногда тень становится очень плотной.

О структуре цикла

Цикл «Атомный Энергетик» — единая история, разбитая на тома исключительно для удобства. Эпилог этой книги — пролог следующей. Никаких временных пропусков: вы шагнёте в следующую часть ровно с той секунды, на которой остановились. Ни одна деталь не случайна, ни один диалог не брошен впустую. Автор не пересказывает события в каждом новом томе. Читатель, решивший пропустить часть, потеряет не только сюжетные линии, но и логику изменений в персонажах, которые происходят постепенно и необратимо.

Эта структура — не просто формальное решение, а отражение убеждения автора: история должна проживаться от начала до конца, и каждая минута пути имеет значение. Пропуск тома равносителен пропуску главы в единой книге — вы можете сделать это, но вы не сможете восстановить утраченное без потери смысла.

Об интеллектуальном замысле

На первый взгляд, перед вами история о сверхъестественных способностях. Однако было бы ошибкой сводить книгу к жанровым рамкам. Наука и сверхъестественное здесь — два измерения одного мира, два языка, описывающих одну реальность. Математика — не украшение. Это язык порядка, но одновременно и — напоминание о границах контроля. Бесконечные множества, парадоксы, неразрешимые задачи — всё это говорит о том, что мир не сводится к правилам. Математика становится мостом между желанием упорядочить и принятием того, что порядок иллюзорен. Сверхъестественное — не магия, а метафора всего, что человек вынужден скрывать, чтобы быть принятым: национальность, внешность, болезнь, талант, убеждения. Фредерик платит эту цену каждый день. Его природа не даёт преимуществ — она делает его уязвимым. И только когда Фредерик встречается людей, готовых смотреть на его кровь без ужаса, он начинает понимать, что цена может быть снижена. Университет — модель общества в миниатюре с иерархией, правилами, конфликтами. Преподаватели — носители мировоззрений, каж-

дый по-своему влияет на студентов. Автор показывает, что образование — это не только усвоение фактов, но и формирование характера. Настоящие уроки происходят не в аудиториях, а в коридорах, столовых, разговорах у озера.

Книга не даёт готовых ответов. Она ставит вопросы: что такое доверие, как жить, если вы не такой, можно ли контролировать свою природу, что важнее — безопасность или свобода. Она предлагает прожить эти вопросы вместе с героями. Автор не даёт оценок — он показывает поступки и их последствия. Это требует от читателя зрелости и способности удерживать неоднозначные переживания.

Вместо заключения

Эта книга не предлагает готовых маршрутов и не стремится угодить ожиданиям. Она приглашает читателя к медленному, внимательному диалогу с текстом, героями и собственными мыслями. Автор сознательно отказывается от лёгкости — не из желания усложнить, а из уважения к тому, что подлинное понимание требует времени и терпения. Если вы чувствуете, что этот путь не для вас, — это естественно. Книга не требует обязательного продолжения.

Но если вы готовы идти дальше, знайте: тональность не останется неизменной. Следующие тома будут менять регистр, становиться глубже, темнее, иногда — неожиданно плотными. И в этом нет произвола — это логика мира, в котором свет и тень не существуют по отдельности. Автор не обещает комфорта, но обещает честность. А выбор, как

всегда, остаётся за вами — и это единственное, что действительно имеет значение.

О технической реализации и обложке

Вёрстка, редактура и корректура текста выполнены автором самостоятельно. Это сознательное решение: автор стремился сохранить единый стиль на всех уровнях — от структуры предложения до типографики, чтобы ни одна деталь не была случайной и ни один элемент не противоречил общей логике повествования.

Обложка первого тома подчинена тому же принципу смысловой точности. На ней изображён Фредерик Ашикура — его ярко-зелёные глаза, контрастирующие со светлым лицом и тёмными волосами, становятся визуальным ключом к его природе Атомного Энергетика. Зелёный цвет здесь не случаен: название каждой книги цикла содержит цвет, связанный с одним из героев. В этом томе зелёный принадлежит Фредерику — его крови, его глазам, его внутреннему конфликту. Обложка становится первым, ещё до чтения, напоминанием о том, что цвет здесь — не просто декорация, а смысловой код. В последующих книгах на обложках будут появляться другие персонажи, чьи цвета определяют ключевые темы соответствующих томов.

С уважением к вашему времени, вниманию и внутреннему миру,
Автор

Содержание

Предисловие автора

Пролог

Глава 1. Первый день

Глава 2. Год назад. Картография

Глава 3. Математический анализ

Глава 4. Первый день в столовой университета

Глава 5. Кипяток

Глава 6. Первый внутренний отпор

Глава 7. Примирение

Глава 8. Приглашение

Глава 9. Лекция по физкультуре

Глава 10. Зелёная ручка

Глава 11. Оранжевое пятно

Глава 12. Самурай и математик

Глава 13. Кофе и чизкейк

Глава 14. Трамвай

Глава 15. Господин Феликс

Глава 16. Корпоратив

Глава 17. Ночные записи

Глава 18. Тревожный чемодан

Глава 19. Стадион «Ястреб»

Глава 20. Серебряная фея

Глава 21. Печаль Кина

Глава 22. Посвящение. Семь кругов

Глава 23. Что делать, если некуда идти

Глава 24. Рассвет над озером

Глава 25. Субботний переполох

Глава 26. Субботний обед

Глава 27. Девятое сентября

Глава 28. Воскресное чаепитие

Глава 29. Вторая неделя

Глава 30. Мгновенный снимок

Глава 31. «Вип-вариант»

Глава 32. Кафе «Уголок»

Глава 33. Показатели в норме

Глава 34. Зелёная кровь

Глава 35. Такси

Глава 36. Бумеранг добра

Глава 37. Зелёное свечение

Глава 38. Стабилизация

Глава 39. Булочки с корицей

Глава 40. Теория об Энергетиках. Урок для Альфреда

Глава 41. Повторение теории об Энергетиках

Глава 42. Алгебра

Глава 43. Куртка

Глава 44. Ресторан

Эпилог

Послесловие автора

Пролог

3 сентября 2018 года, понедельник. Утро перед первым днём учёбы

Фредерик Ашикура проснулся рано утром, встал у окна и начал наблюдать ещё сонный город. За окном только начинается рассвет, а он уже не спит — обычное дело для Энергетика. Фредерику восемнадцать лет, средний рост, нормальное телосложение, с чёрными, едва выющимися волосами и немного резкими, но правильными чертами лица. Его глаза — ярко-зелёные, цвета лайма. Взгляд обычно серьёзный. Никто бы не сказал, глядя на него, что под этой бледной кожей течёт не красная кровь.

Фредерик взглянул на свои руки. С виду обычные, но если порезаться... Он вспомнил, как в детстве, когда ему было пять лет, упав на улице, разбил колено. Кровь — ярко-зелёная, флуоресцирующая — залила штанину. Дети вокруг, заметив это, закричали и разбежались, ничего не понимая; кто-то даже побежал за взрослыми. Перед ним тут же появился *Нед*, который помог подняться, обработать раны и скрыть все необычные следы, не привлекая ничьё внимание. Фредерик не помнит своих родителей. Ни имён, ни лиц. Нед появился в его жизни, когда ему было четыре года, и с тех пор стал для него всем: отцом, старшим братом, наставником и опекуном.

Неду двадцать девять лет. Средний рост, подтянутое телосложение, серьёзное, невозмутимое лицо, чёрные вьющиеся волосы и острый, внимательный взгляд больших серых глаз. Одевается строго. Говорит холодно, чётко, по делу, иногда так, как будто зачитывает инструкцию. Нед — гениальный учёный: профессор, доктор химических наук, руководитель научно-исследовательского института (НИИ).

Фредерик снова посмотрел на свои руки. На среднем пальце правой руки — тёмное кольцо. Он машинально проводит большим пальцем по его поверхности. Находит крошечное углубление — микро-кнопку, почти незаметную, расположенную вровень с гравировкой. Нажимает — чувствует лёгкое сопротивление. Тренировочное движение.

С раннего детства Нед учил Фредерика скрывать свою природу; он говорил: «Ты не должен показывать свою кровь. Никогда. Любой нормальный человек, увидев её цвет, испугается. А испуганные люди крайне опасны». И Фредерик научился. Он научился избегать драк, научился закрывать раны до того, как их заметят, научился носить кольцо-инъектор — подарок Неда на одиннадцатый день рождения. Внутри кольца — механизм, который при малейшей травме впрыскивает под кожу нейтрализатор, состав, временно маскирующий зелёный цвет крови под обычный красный.

Нед научил его: «Ты должен сам решать, когда необходимо маскироваться. Нажал — получил укол. Держи две секунды, не меньше». Фредерик никогда не ошибается. Коль-

цо на его пальце — не украшение. Это инструмент. Внутри — крошечный резервуар с нейтрализатором, микронасос и игла тоньше волоса. Когда Фредерик получает царапину, он зажимает рану, нащупывает кнопку и нажимает. Через пятнадцать секунд нейтрализатор попадает в кровь, и на пятнадцать минут зелёная кровь становится красной — обычной, не вызывающей вопросов.

Раньше Фредерик мечтал, чтобы кольцо срабатывало само, но Нед объяснил: «Автоматика ошибается, но ты — нет. Ты должен доверять себе». Фредерик доверяет себе. Он носит кольцо с одиннадцати лет и ни разу не нажал случайно. Кнопка утоплена, требует усилия и намерения. Без этого кольцо представляет собой просто кусок металла.

Именно Нед тогда отвёл испуганного ребёнка, обнаружившего свою зелёную кровь, домой и объяснил ему, тогда ещё пятилетнему, смыв с коленки зелёную кровь и заклеив рану специальным пластырем:

— Ты — Энергетик, Фредерик. Атомный Энергетик. Твоё тело — живой ядерный реактор. Твоя кровь зелёная, потому что она содержит изотопы, которых нет у обычных людей. И ты не один такой.

— А ты... тоже? — спросил тогда Фредерик, сидящий напротив и удивлённо смотрящий на Неда.

— Я — Химический Энергетик, — ответил Нед. — Таких, как мы, немного. Но мы есть.

Фредерик ничего не спросил Неда про цвет его крови.

Потом, много лет спустя, он узнает, что кровь Химического Энергетика голубая. В момент, когда Нед объяснял, что кровь пятилетнего ребёнка ненормального зелёного цвета, потому что он Энергетик, для Фредерика не имело значения какого цвета кровь у Неда: нормального красного, такого же, как у него, либо другого. Важно было другое: он не один.

— А мой брат? — спросил Фредерик.

Нед недолго помолчал и ответил:

— Он тоже Энергетик, но лишь на одну десятую. Он — твой стабилизатор. Без него ты бы не выжил в первые годы.

Фредерик повернул голову в сторону приоткрытой двери. В соседней комнате тихо и беззаботно спит его брат.

Кин Ашикура — его брат-двойняшка, такой же восемнадцатилетний, но не похожий внешне. Если Фредерик — темноволосый с немного резкими чертами лица и серьёзным лицом и взглядом, то Кин — светловолосый, с мягкими чертами лица и вечной полуулыбкой. Тёмно-русые волосы, вечно растрёпанные, светло-серые глаза смотрят с хитринкой и огоньком. Главная особенность его внешности — ярко-синие метки на щеках и под глазами: две широкие полосы в виде удлинённого треугольника, идущие по диагонали от скул к середине щёк, смотрящие в сторону носа и такого же цвета отметины под глазами, похожие по очертанию на мешки. Они на его лице всегда, он их не скрывает. В детстве Кин говорил, что это боевой окрас, сейчас отвечает, что это татуировки. На самом же деле это стигматы Радиационного Покоя

— индикаторы радиации. Когда рядом появляется источник излучения, они вместе с глазами начинают светиться зелёным, а у Кина начинается очень сильная головная боль. При слабом радиационном фоне его отметки и глаза еле-еле светятся едва уловимым зелёным светом, и чем сильнее радиационный фон, тем более яркий свет исходит от лица Кина.

Кин — Энергетик, но не такой, как Фредерик. Его Искра даёт лишь одну десятую силы брата. Он не умеет управлять атомной энергией, зато может её чувствовать. Он живой детектор, природный стабилизатор. Если бы не Кин, Фредерик в раннем детстве мог бы неосознанно убить себя и всех вокруг.

Фредерик всегда чувствует вину перед братом. Из-за него у Кина эти метки., постоянно болит голова. И из-за него Кина считают «странным», «уродцем», «парнем с татуировками на лице». Но Кин никогда не жалуется. Он очень позитивный, поэтому просто улыбается своей мягкой улыбкой и говорит: «Ничего, брат. Зато мы вместе».

Однажды, три года назад, Кин порезал палец, открывая консервную банку с тушёнкой. Бледно-зелёная, почти мятная кровь потекла по руке. Кин, не моргнув глазом, достал из кармана маленький баллончик, брызнул на рану, и цвет стал обычным красным.

— Тебе хорошо, у тебя кольцо есть, — сказал тогда Кин, усмехнувшись. — А я, если порежусь, только на спрей и молись. И на пластыри. А вообще, зря я. Сейчас не нужно было

использовать даже спрей, мы ведь дома, не в общественном месте. Не от кого скрываться.

— Нед не сделал тебе кольцо, — тихо ответил Фредерик. Это прозвучало как извинение.

— Да и не надо, — Кин пожал плечами. — Я спрей и пластырь тоже люблю. И вообще, я ведь не ядерный реактор, мне такие крутые навороты ни к чему. Ты главное сам не поранься где-нибудь на людях. А за меня не переживай. Справлюсь как-нибудь. Всегда справлялся.

Фредерик всё равно переживал за своего брата. Но не в силах был что-то изменить. Он вышел из своей комнаты и, прежде чем пойти на кухню ставить чайник, Фредерик решил заглянуть в комнату брата, которая находилась прямо напротив его комнаты. Дверь была приоткрыта, Кин закрывал её очень редко, он не имел такой привычки. Фредерик через приоткрытую дверь посмотрел на спящего Кина. Тот беззаботно посапывал, уткнувшись носом в подушку. Синие метки на его лице в утреннем полумраке из-за закрытых штор казались почти чёрными.

«Я не ядерный реактор», — вспоминает Фредерик слова Кина. И думает: «А я — реактор. И кольцо у меня есть, а у него — нет. Метки у него есть, а у меня — нет. И голова у него болит из-за меня. Это неправильно». Фредерик перевёл взгляд на кольцо, тихо закрыв дверь в комнату Кина, и пошёл на кухню. Прохладный металл привычно обжигает кожу. Он коснулся кольца и подумал о Неде.

Нед — не просто опекун. Он гений, посвятивший жизнь изучению Энергетиков, их крови, их способностей, их природы. Нед хочет понять, откуда они взялись. «Я найду ответ, — говорит он. — И тогда мы сможем контролировать свою силу. Не прятаться, а управлять».

Фредерик поверил Неду. Он искренне верит, что однажды всё изменится, что они перестанут прятаться, что Кин сможет избавиться от этих проклятых меток и что он сам сможет жить, не боясь каждой царапины. Но сегодня не тот день. Сегодня первый день учёбы. Первая глава новой жизни.

Глава 1. Первый день

3 сентября 2018 года, понедельник. Квартира братьев Ашикура. Утро.

Фредерик стоял перед открытым шкафом. Он не любил яркие цвета — пожалуй, цвет его глаз и крови был единственным, что он мог себе позволить в этом смысле. Его гардероб строился на спокойных, глубоких оттенках: тёмно-синие, тёмно-серые и чёрные вещи, а также белый верх для контраста. Изредка — небесно-голубой или хаки, когда хотелось смягчить обычную мрачность.

За окном было пасмурно, термометр показывал + 21. Фредерик выбрал чёрные носки и футболку, тёмно-синие штаны-чиносы, поверх — чёрную водолазку с высоким воротом. Оделся не спеша, заправил водолазку, поправил ремень. Затем накинул лёгкую белую куртку-рубашку, не застёгивая. Взгляд упал на кольцо. Прохладный металл давно стал частью Фредерика, как зелёная кровь, как осторожность. Кольцо было модифицировано под выросшую руку и сидело идеально. Обычно Фредерик не прятал его, но сегодня вдруг почувствовал странную тревогу. Ему не хотелось, чтобы кто-то разглядывал его пальцы, задавал вопросы. Он достал из тумбочки чёрные митенки — плотные, до середины пальцев, скрывающие кольцо и костяшки. Натянул, пошевелил пальцами — удобно.

Фредерик вышел из комнаты. Из кухни доносился запах кофе — Кин успел встать. Фредерик заглянул на кухню. Брат сидел за столом в синей майке и серых шортах, сонный, взъерошенный, с кружкой кофе.

— Ты уже в универ? Решил пораньше выйти? — спросил Кин, не поднимая глаз, поскольку ещё не до конца проснулся.

— Да.

— Ну, удачи, брат.

— Спасибо.

— А тубус не возьмёшь? — Кин кивнул в сторону гостиной, где у дивана стоял тёмно-синий тубус, длиной около метра, диаметром — десять сантиметров, на крышке которого было широкое металлическое кольцо с гравировкой «F A.» и синим ремнём, фиксирующимся по длине, с кожаными вставками красного цвета.

— Не сегодня, — ответил Фредерик. — Ведь сегодня первый день учёбы, а я не хочу привлекать внимание.

Фредерик попрощался с братом, который собирался завтракать, и вышел из кухни. Он вернулся в комнату за рюкзаком: тёмно-серый, с антивандальной молнией у спины. Практичный человек о безопасности не забывал. На полу лежали два чёрных пакета — ровно по пять килограммов молочного шоколада в каждом. Вчера Нед дал поручение: купить для корпоративного десерта и заодно для какого-то эксперимента с фольгой. Фредерик вспомнил этот разговор.

2 сентября 2018 года, воскресенье. Квартира братьев Ашикура. Вечер. 21:30.

Нед не звонил, вместо этого приехал сам — без предупреждения, как всегда. Фредерик услышал, как проворачивается ключ в двери, он подошёл ближе и увидел, как дверь открыла знакомая фигура в плаще.

— Завтра первый день, — сказал Нед, переступая порог, даже не поздоровавшись. — У меня к тебе дело.

Фредерик молча пропустил его. Кин, сидя на кухне, поднял голову, но Нед даже не взглянул в его сторону. Они прошли в гостиную. Нед снял плащ, аккуратно повесив на руку, и повернулся к Фредерику.

— Послезавтра, четвёртого сентября, в НИИ будет небольшое корпоративное мероприятие. — Нед говорил довольно сухо, как будто зачитывал инструкцию. — Решили устроить что-то вроде... десертного вечера. Будем топить шоколад, поливать торт, макать клубнику.

Фредерик уже понял, что сейчас последует какое-то поручение.

— Мне нужен молочный шоколад. Десять килограммов. — Нед выдержал паузу. — Ты сходишь и купишь его прямо сейчас.

Фредерик посмотрел на часы. Половина десятого. Магазины ещё работали, но недолго.

— Вот деньги, — Нед достал из внутреннего кармана конверт и положил на стол. — Денег там с запасом, а сдачу оста-

вишь себе.

— Но почему именно я? — спросил Фредерик. Не потому, что отказывался — просто из любопытства.

— Потому что я — профессор, доктор химических наук, глава НИИ, — произнёс Нед своим обычным ровным тоном, — а таскаться по магазинам с пакетами шоколада, не входит в мои обязанности. Ты молод, здоров и, к тому же, тебе не помешает подышать свежим воздухом перед первым днём учёбы.

Фредерик хотел сказать, что свежим воздухом можно подышать и без десяти килограммов шоколада, но промолчал. Нед был прав — Фредерик не мог ему отказать. Нед сделал для него слишком много. Нед был его опекуном, наставником, старшим братом, единственным взрослым, кто знал его тайну и принимал её.

— И ещё, — Нед поднял указательный палец. — Шоколад должен быть в фольге. Обязательно.

— Зачем? — удивился Фредерик.

— Возможно, я проведу несколько экспериментов. Шоколад пойдёт в дело. Фольга — тоже. Не в мусор же её выбрасывать, — Нед чуть прищурился с едва заметной усмешкой. — У меня есть некоторые соображения. Мысли. Гипотезы.

— Какие гипотезы? — удивлённо спросил Кин из кухни

Нед не ответил. Он не смотрел в сторону Кина. Фредерик взял конверт, пересчитал деньги. Сумма была приличная. Он убрал их в карман.

— Когда нужно принести?

— Завтра после занятий. Зайдёшь в лабораторию, расскажешь, как прошёл первый день. И шоколад принесёшь. — Нед уже надевал плащ.

— Нед, что ты собираешься делать с фольгой? — Фредерик не удержался.

Нед взглянул на Фредерика, на его лице мелькнуло нечто, отдалённо напоминающее едва заметную усмешку.

— Посмотрим, — и вышел.

2 сентября 2018 года, воскресенье. Улица. 23:00.

Фредерик шёл по тёмному городу с двумя тяжёлыми пакетами в руках. В каждом — по пять килограммов молочного шоколада. Плитки, завёрнутые в яркую фольгу, уютно позвякивали при каждом шаге. Он вспомнил слова Неда: «Фольга тоже пойдёт в дело». Интересно, в какое? И тут Фредерик начал фантазировать.

Он представил себя с ног до головы обёрнутым в фольгу. Шлем из фольги на голове — как у тех чудаков из интернета, которые верили, что этот материал защищает от радиации. Нагрудник, наручи, поножи, в руке — меч из того же металла, щит — тоже из него. Целый рыцарь в сверкающем алюминиевом доспехе. Фредерик хмыкнул, усмехнувшись уголками губ. Затем он представил, как заходит в таком виде в лабораторию, а Нед, что для него вполне обычно, даже бровью не поведёт, только скажет: «Хорошо, раздевайся, приступаем к эксперименту». Фредерик помотал головой, отго-

няя эту картинку из мыслей, улыбнулся и направился в сторону дома.

Завтра первый день учёбы. Фредерик как послушный подопечный принесёт Неду этот шоколад. А потом, может быть, узнает, зачем на самом деле нужна фольга, если, конечно, это была не шутка. Нед обычно не шутил, но иногда мог себе позволить это сделать.

3 сентября 2018 года, понедельник. Квартира братьев Ашикура. Утро.

Фредерик вышел в прихожую. Кроссовки он носил редко — только когда предстояло много ходить. Сегодня выбрал чёрные кожаные ботинки на плоской подошве: мягкие, удобные, проверенные. Шнурки завязал крепко, пользуясь боковой «молнией». Проверил карманы. Всё на месте. Он открыл дверь и шагнул на лестничную клетку. Тёплый воздух подъезда ударил в лицо.

— Всё, — прошептал Фредерик. — Началось.

Глава 2. Год назад. Картография

Сентябрь, 2017 – июнь, 2018. Карминбургский Картографический университет.

В августе 2017 года Фредерик поступил в *Карминбургский Картографический университет* сознательно. Мир картографии казался ему идеальным: карты, координаты, масштабы, условные знаки — ничего лишнего. Можно сидеть в тишине, чертить, и никто не лезет в душу. В первые месяцы он даже находил в этом успокоение.

Аудитории здесь пахли иначе, чем школьные кабинеты: пожелтевшей бумагой, тушью, вьёвшейся в волокна, старым деревом столов, впитавшим тысячи топопланов. Фредерику нравился этот запах. В нём было что-то вневременное. На стенах висели огромные карты. Линии рек, горные хребты, светотеневой рельеф, голубые пятна озёр — всё это создавало иллюзию порядка. В мире, где собственная природа была хаосом, карты дарили чувство, что этот хаос можно победить. Просто нанести на бумагу и обозначить. Вместо парт — массивные зелёные столы, исцарапанные циркулями и рейсфедерами, с засохшими каплями туши. Фредерику казалось, что в этих царапинах — своя история. Они напоминали: он не первый, кто сидит здесь. И не последний. «Ты часть чего-то большого», — как будто шептали столы. «Терпи». На таком столе можно было разложить ватман, и начать

с главного: сетка координат, оси, базовые точки. Потом горизонтали — линии, соединяющие точки с одинаковой высотой. Потом рельеф, отмывка, штриховка. Всё подчинялось правилам, всё можно было предсказать. Мир, в котором есть порядок, — это безопасный мир. Фредерик цеплялся за эту мысль, когда внутри всё сжималось от безымянной тревоги.

Вместо интегралов и производных — горизонтали и условные знаки. Вместо абстракций — конкретные холмы и впадины. Математики на картографии давали ровно столько, чтобы посчитать масштаб или площадь. Фредерику этого было мало. Он чувствовал это, но не осознавал. Он погрузился в тишину. На лекциях Фредерик молчал, не задавал вопросов, просто впитывал. Он знал: если сидеть тихо, то он не привлечёт внимание. Преподаватели его не трогали — он хорошо учился. Студенты не замечали — он сидел на заднем ряду, у окна. Иногда Фредерику казалось, что он призрак. Иногда это было приятно, иногда — нет. Он мог бы быть активнее, если бы не был Энергетиком, если бы ему не приходилось скрываться. Фредерику считал, что всё правильно. Ему нужен был покой. И первые месяцы он его получил. Но тишина оказалась обманчивой. Внутри зрело нечто, чему Фредерик пока не находил названия. Скука? Разочарование? Понимание, что карты — не его? Он отгонял эти мысли.

К весне интерес стал угасать. Лекции по геодезии навевали тоску — при всём уважении к лектору. *Профессор Пак*

искренне любил свой предмет и хотел передать эту любовь студентам. Он называл их «коллегами» и постоянно поправлял свои густые, кустистые брови — то поднимал вверх, то сводил к переносице. Они двигались сами по себе, и Фредерик иногда ловил себя на том, что следит за ними, а не за содержанием лекций, каждая из которых начиналась с одной и той же фразы:

— Коллеги, вы должны запомнить наизусть, что такое прямая и обратная геодезические задачи.

Профессор Пак повторял определения очень энергично, с расстановкой, глядя поверх очков. В его голосе не было раздражения. Только терпеливая, отеческая забота. Он верил: если повторять достаточно часто, то запомнит даже самый безнадежный. Фредерик запомнил с первого раза. Но запомнить и полюбить — разные вещи. Профессор Пак относился к Фредерику с особым вниманием. Замечал на заднем ряду, кивал при встрече взглядов. Однажды, проверив контрольную, он сказал:

— Молодой человек, у вас отличные успехи. Вам бы в геодезию. У вас математический склад ума.

Фредерик вежливо поблагодарил. Было приятно, но в груди поднималась глухая волна тоски. «Не хочу, — подумал он. — Не хочу в геодезию. Не хочу в картографию. Не хочу на полигон». Он уважал профессора Пака — за терпение, доброту, бесконечные повторы. Но одного уважения было мало, чтобы полюбить предмет, который казался призем-

лѐнным, грубым, лишѐнным абстрактной красоты. Геодезия для Фредерика была про землю, грязь в полях, приборы, настраиваемые под солнцем, снегом, дождѐм. Он хотел ясности, чистоты, тишины — формул, не зависящих от погоды. Фредерик хотел фундаментальной математики.

Если лекции Пака были терпимы — сиди, слушай, записывай, — то практика превращалась в пытку. Вѐл её другой преподаватель. Грубый, вечно недовольный мужчина лет шестидесяти с низким, рокочущим голосом. Фамилию Фредерик не запомнил — и не хотел. С первого занятия тот дал понять: студенты для него — тупое стадо, не способное отличить теодолит от нивелира. «В моѐ время, — любил повторять он, — ночей не спали, чтобы разобраться в приборах. А вы...» — и оглядывал аудиторию, как сплошное разочарование. Объяснял он ужасно: сбивчиво, на повышенных тонах, перескакивая с одного на другое. На уточняющий вопрос взрывался: «Вы что, на лекциях не были?! Это же элементарно!» — хотя на лекциях этого могли ещё не успеть объяснить. Понять с первого раза было невозможно. Студенты боялись его. Фредерик просто терпел.

На площадке перед корпусом Фредерик устанавливал теодолит на штативе, смотрел в окуляр, настраивал прибор, записывал показания в полевой журнал, пересчитывал углы. Круг лево, круг право... Он умел это делать — чистая механика, можно выучить за вечер. Но делать это приходилось каждую неделю под пристальным взглядом вечно недо-

вольного преподавателя, который только и ждал, чтобы придраться.

— Ашикура! Что ты там насчитал? Покажи журнал!

Фредерик протягивал. Преподаватель пробежал глазами, хмурился, возвращал:

— Ладно, сойдёт.

И шёл к следующему — унижать.

Фредерик делал всё молча, без жалоб. Но внутри с каждым разом нарастало глухое, тянущее чувство: «Это не моё. Точно не моё». И дело даже не в грубости — он мог бы стерпеть. Дело в самом предмете. В этой прикладной, топорной работе, которая не имела ничего общего с красотой, что он однажды почувствовал в математике. Геодезия для Фредерика была про капли дождя на объективе, про споры о том, где поставить вешку. Это было физическое, грубое, шумное.

Фредерик хотел тишины. Он не знал, где его место. Но точно знал — не здесь. И только на парах по высшей математике, которую читали картографам в урезанном виде, он неожиданно для себя просыпался. Вёл этот предмет доцент *Микко Усаги*. Мужчина сорока семи лет, среднего роста, в тёмно-синем костюме, который был слегка великоват в плечах Микко не здоровался, не улыбался, не пытался понравиться. Просто входил в аудиторию, подходил к доске и начинал говорить. Без лишних слов, без бумажек.

— Математический анализ. Первый семестр. Записывайте.

В его голосе не было тепла. Он звучал ровно, сухо, почти механически — как метроном. Но в этой ровности таилась странная, гипнотическая сила. Тишина в аудитории наступала сама собой. Даже те, кто обычно перешёптывался на задних рядах, замолкали и начинали слушать. Не потому что боялись — он не повышал голос. Просто его лекции заставляли думать. Фредерик записывал и не мог остановиться.

Микко выстраивал материал с безупречной, кристальной логикой. Каждое новое определение вырастало из предыдущего, как ветка из ствола. Каждая теорема имела стройное, краткое, почти элегантное доказательство. Он не объяснял — он раскладывал математику перед студентами, как часовщик раскладывает механизм часов: на детали, винтики, шестерёнки. В этом механизме не было ничего лишнего. Каждая деталь лежала на своём месте. И каждое место имело свою деталь.

Фредерик увидел математику не как набор формул, которые надо заучить, не как инструмент, который надо применить. Он увидел её как единый живой организм, в котором всё взаимосвязано, логично и красиво. Это было не объяснение, а откровение. Он ловил себя на том, что не просто слушает, а действительно понимает и предвосхищает следующий шаг, угадывает следующую формулу. Когда Микко писал очередную формулу на доске, Фредерик чувствовал короткий, острый всплеск удовлетворения — как будто отгадал загадку. На лекциях по математике учёба переставала

быть обязанностью, она становилась удовольствием.

Тогда Фредерик и записался в техническую библиотеку, засиживаясь там допоздна. Читал учебники по математическому анализу, которые брал по совету Неда «для общего развития». Сначала — чтобы убедиться, что понял правильно, потом — потому что стало интересно. А затем — потому что без этого не мог уснуть. Формулы кружились в голове, складывались в стройные конструкции, требовали продолжения. Фредерик ждал лекции Микко больше, чем все остальные. Садился на первый ряд, чтобы видеть каждую формулу. В груди, разгоралось то, чему он не находил названия. Это были высокие чувства к царице наук — Математике. Не страсть — слишком громко. Не интерес — слишком слабо. Скорее, это было тихое, ровное пламя, которое грело и вело вперёд. Фредерик по-настоящему полюбил математику.

Однажды, после лекции, когда аудитория опустела, Микко окликнул его:

— Ашикура, задержитесь.

Фредерик подошёл. Микко посмотрел на него без выражения, но с новым, прежде не замеченным вниманием. Фредерик не понимал, что читает во взгляде доцента, но чувствовал, что в нём разглядели не студента, а задачу, которую никто не может решить.

— Вы довольно хорошо решаете, — сказал Микко. — Не просто механически. Вы думаете. А это редкость.

Он протянул Фредерику листок.

— Попробуйте это.

Это был «вип-вариант» — задачи повышенной сложности, выходящие за рамки курса. Фредерик взял листок, мельком глянул. Уравнения, пределы, доказательства — всё выглядело значительно сложнее обычного. Внутри, где-то под рёбрами, зажглось желание: «Хочу решить. Хочу понять».

Вечером, вернувшись домой, он сел за стол и решил не вставать, пока не решит всё до конца Горела настольная лампа, за окном стемнело, а Фредерик всё водил ручкой по бумаге, перечёркивал, начинал заново. И улыбался — краешком губ, сам того не замечая.

На следующей лекции Фредерик вернул Микко решённый листок. Тот взял, пробежал глазами, задержался на последней задаче, затем поднял голову, посмотрев на Фредерика:

— Верно, — сказал он и положил листок в папку.

Это было единственное поощрительное слово, которое Фредерик слышал от него за весь год, но оно стоило больше, чем все пятёрки и похвала других преподавателей вместе взятые. Потому что Микко не раздавал комплименты просто так. Если он сказал «верно» — значит, так оно и было. С тех пор Микко давал Фредерику «вип-варианты» после каждой практики. Фредерик решал их с азартом, которого сам в себе не подозревал. Он не просто «отбивал номер» — он учился. Техническая библиотека стала его вторым домом. Математический анализ — страстью.

И вдруг он осознал то, о чём раньше не задумывался: математика интересна ему не как инструмент для картографии или набор формул для зачёта, а как язык, как способ мыслить, как красота, которую можно открывать бесконечно. Мир карт был миром готовых ответов. Мир математики — миром вопросов, ответы на которые рождались в голове, а не на карте.

К концу весны созрело решение. Тихо, без надрыва, как созревает плод. Фредерик осознал: он не хочет быть картографом — он хочет стать математиком. Преподавателем. Таким же, как Микко. Молчаливым, строгим, но способным открыть студенту красоту там, где раньше видели только сухие формулы.

Но был и другой повод — прозаичный, опасный, не терпящий отлагательств.

В конце первого курса картографам предстояла обязательная летняя практика на геодезическом полигоне — две недели в поле, с теодолитами и нивелирами, с утра до вечера на ногах. Для допуска требовалась прививка от туляремии. Её делали методом скарификации — насечек на коже. Для обычного человека — это не проблема. Для Фредерика — катастрофа. Если медсестра увидит зелёную, флуоресцирующую кровь — очевидно, всё будет кончено. Нейтрализаторы Неда работали при наружных травмах, но вакцинация — не порез бумагой. Кровь попадёт в шприц, её увидят, зафиксируют, запишут. Затем зададут вопросы, а Фредерик прак-

тически не умел врать. Лицо становилось каменным, голос — слишком ровным. Слишком спокоен. Слишком собран. Слишком не по-человечески.

Фредерик позвонил Неду. Как всегда разговор был коротким.

— Ты не поедешь на полигон. И прививку делать не будешь. Уходи оттуда, — сказал Нед своим обычным ледяным тоном. Ни тени сочувствия, ни вопроса о том, как Фредерик себя чувствует. Просто инструкция. Указание. Нед помолчал. Фредерик слышал, как на том конце провода скрипнуло кресло.

— Впрочем, — добавил Нед, — если тебе это нужно, я могу организовать прививку у нас, в НИИ. Без лишних глаз. Решай сам.

Фредерик задумался на секунду. Но решение уже созрело.

— Не надо, — ответил он. — Я ухожу.

Нед не стал уговаривать. Не спросил, уверен ли. Просто сказал:

— Хорошо. Забирай документы.

И положил трубку.

Фредерик и сам уже всё решил, но услышать это от Неда было легче — словно кто-то снял с плеч тяжёлый груз. Он не пойдёт на полигон, не будет делать прививку и, соответственно, не будет рисковать. Он забрал документы. Спокойно, без истерик. Пересдал вступительные экзамены — уже зная, что математика — его стихия. И в конце авгу-

ста, за семнадцать дней до описываемых событий, был зачислен на математическое направление в *Карминбургский Химико-Биологический Университет*. Он шёл вперёд. Делая первый шаг к новой жизни. Не зная, кто встретится ему на дороге.

Глава 3. Математический анализ

3 сентября 2018 года, понедельник. Дорога в университет. Утро.

Фредерик вышел из подъезда и взглянул на небо — серое, ровное. Воздух прогрелся до +23, ветер едва шевелил воротник куртки. Погода выдалась шикарная: не жарко и не холодно. Он перекинул лямки рюкзака и направился к остановке, но, подходя, заметил автобус и передумал. Решил идти пешком. В транспорте — толпа, давка, случайная царапина; зелёная кровь — и всё кончено. Лучше пройти одному, без риска. К тому же хотелось подышать и собраться с мыслями. Первый день — не шутка, даже если вы первокурсник во второй раз.

Шагая к университету, Фредерик думал, что сегодня всё начинается заново. Только математика. Никакой геодезии, теодолитов и грубых преподавателей. Но он не учёл расстояния: с десятью килограммами шоколада в руках и рюкзаком за плечами он шёл медленнее, чем рассчитывал. Время утекало, но он не стал ускорять шаг — лекция уже началась. Лучше прийти спокойным, чем запыхавшимся. Он просто шёл, шаг за шагом, ощущая тяжесть пакетов и давление рюкзака на плечи.

3 сентября 2018 года, понедельник. Университет.

На КПП Фредерик задержался: первокурсникам не вы-

дали пропуска, пришлось показать студенческий. Охранник сверился со списками и открыл турникет. Фредерик поднялся по крыльцу, вошёл в здание. Пакеты шуршали при каждом шаге. На лестнице было пусто — все на занятиях. Он понимал, что опоздал: если лекция длится полтора часа, он войдёт к середине или под занавес. Надеялся застать хотя бы конец.

Наконец он поднялся на седьмой этаж. В коридоре было тихо. Фредерик подошёл к открытой двери, поставил пакеты на пол и достал телефон — экран загорелся белым: 10:00.

— Десять?.. — прошептал он.

Пара началась в девять. Он растерянно моргнул: рассчитывал дойти вовремя, но пакеты и волнение замедлили его. С досадой покачал головой — отступить некуда. Лекция до 10:30, он успеет войти. Фредерик открыл расписание: *«Пн, 03.09.18, 9:00–10:30. 1-я пара, верхняя неделя. Математический анализ (лекция). Доцент Микко Усаги»*. Он замер. Секунду смотрел на экран, потом перечитал ещё раз.

— Это что, тот самый Микко?.. — прошептал Фредерик.

Он не знал, что доцент перевёлся в этот университет. Знал только, что сейчас войдёт в аудиторию и увидит того, кто сказал ему: «У вас талант к абстрактному мышлению. Вам бы заниматься чистой математикой, в крайнем случае, прикладной, а не карты чертить».

Фредерик глубоко вздохнул, поднял пакеты и двинулся к двери. Из аудитории доносился ровный, негромкий голос.

Дверь находилась в самом верху аудитории, нужно было спуститься по ступеням. Он переступил порог и сразу увидел Микко — тот стоял у доски и писал мелом про множества. Мел скрипел по зелёной поверхности доски, оставляя белые символы. С заднего ряда донёсся недовольный голос:

— Кто это вообще? Опоздал ещё и пакетами шуршит.

Фредерик услышал наглый, резкий тон, но не обернулся — просто продолжил спускаться. Микко повернулся. Его взгляд скользнул по аудитории и остановился на вошедшем. На секунду он задумался, словно что-то вспоминая. Затем обратился к аудитории.

— Товарищи! — произнёс он своим ровным, уверенным голосом. — Забыл сказать. Не стоит опаздывать на мои пары. Это может плохо кончиться. Фредерик посмотрел прямо на Микко. В груди кольнуло. «Это и правда он... Жаль, что тихо спуститься не получилось». Он продолжил спускаться. Пакеты нещадно шуршали.

— Давайте быстрее, — раздался голос Микко. — Вы мешаете.

— Здравсьте, извините... — пробормотал Фредерик, чувствуя, как краска заливает уши.

На третьем ряду сидел *Альфред Фатихоглу*. Он смотрел на Фредерика, и в его голове пронеслось: «Какой же он шумный... Нужно что-то сделать». Как староста, он отвечал за группу, за каждого студента, даже за того, кого видел впервые. Он не хотел, чтобы кто-то с первого дня заработал ре-

путацию «того самого опоздавшего с пакетами». Когда Фредерик поравнялся с его рядом, Альфред воскликнул:

— Фредерик!

Фредерик удивлённо поднял голову. Взгляд его ярко-зелёных глаз встретился с внимательными оранжевыми глазами Альфреда. «Он знает меня?»

— Садись со мной, тут есть место! — сказал Альфред и кивнул на свободную часть скамьи слева от себя. — Хитч, подвинься немного.

— Да я уже, — буркнул парень с вьющимися каштановыми волосами и немного сдвинулся вправо.

Фредерик молча кивнул и сел. Пакеты аккуратно поставил под ноги, стараясь не шуметь, рюкзак — рядом. Микко, не оборачиваясь, продолжил лекцию. Фредерик не достал ручку — просто слушал и удивлялся, что Микко говорит слово в слово то же самое, что и год назад. Те же определения, те же примеры, та же последовательность. Без бумажки, без конспекта. Спустя год, в другом университете.

«Может, это вводная лекция, и она везде одинаковая?» — подумал Фредерик, подпирая голову рукой. Альфред покоился на него. Заметил, что тот не пишет. Склонился к уху и тихо спросил:

— Почему не записываешь? Может, тебе нужна ручка или листок? Ты только скажи, у меня всё есть.

Фредерик покачал головой. Посмотрел серьёзно и уверенно:

— Времени мало осталось. Это первая пара. Да и что там писать? Всё понятно. Я даже знаю, что будет дальше. Можешь спро...

Он не договорил. Голос Микко перебил его. Хотя говорил Фредерик тихо, а доцент стоял далеко, но, кажется, в аудитории было слышно каждое слово.

— Назовите вашу фамилию.

Фредерик вздрогнул.

— Что?

— Вы опоздали — это раз, — голос Микко был всё так же ровен, но в нём появилась сталь. — Пришли сюда и разговариваете — это два. А за шуршанием своих пакетов не слышите вопрос?

Фредерик выпрямился. Сглотнул.

— Извиняюсь, доцент Усаги. Я — Ашикура. Я понимаю, что опоздал. Прошу меня извинить.

Микко наконец повернулся к нему. Посмотрел долгим, изучающим взглядом.

— Ашикура, значит...

«Он меня вспомнил?» — пронеслось в голове Фредерика.

— Вы сказали, что знаете, что будет дальше?

«О нет, он что, слышал, что я говорил?»

— Перечислите нам аксиомы Цермело-Френкеля. Только названия. Этого хватит.

Альфред покосился на Хитча и прошептал:

— Жестоко. На первой паре их обычно не проходят.

Фредерик молчал две секунды. Потом начал перечислять:
— Аксиома объёмности, аксиома пары, аксиома суммы, аксиома бесконечности, аксиома выделения, аксиома множества всех подмножеств, аксиома замены, аксиома выбора, аксиома регулярности.

Микко кивнул. Повернулся к доске.

— Садитесь.

Фредерик сел. Альфред смотрел на него с уважением.

Микко, не оборачиваясь, продолжил:

— Итак, забегаю вперёд, Ашикура перечислил нам основные аксиомы Цермело-Френкеля, о которых мы поговорим подробнее позже.

Фредерик перевёл дыхание. Внутри всё дрожало. Но где-то глубоко, под страхом и смущением, прорастало странное, почти забытое чувство. «Он меня вспомнил. И проверил. А я его не подвёл».

Фредерик уже успел заметить, что сосед слева — Альфред — спокойный и внимательный. Объёмные слегка волнистые синие волосы с челкой, оранжевые янтарные глаза смотрят приветливо и немного настороженно. Оранжевая толстовка с надписью «*Mym*», тёмно-синие джинсы, подвёрнутые снизу, чёрные ботинки. Он производил впечатление человека, который держит всё под контролем, но без навязчивости — дружелюбный, внимательный, невозмутимый. Староста. Это чувствовалось даже в том, как он сидел: прямая спина, спокойный взгляд, готовность помочь.

Справа от Альфреда сидел *Хитч Фейн*. Невысокий, спортивный, вечно взъерошенный — кучеряво-волнистые каштановые со слегка рыжим оттенком волосы, цепкий, чуть нахальный взгляд. Он не мог сидеть на месте: ёрзал, крутил ручку, поправлял воротник. Тёмно-серая спортивная олимпийка с тремя ярко-зелёными полосками и логотипом волейбольного клуба «*Марево*», такие же штаны, ярко-зелёные кроссовки. Хитч выглядел беспокойно, будто готов был в любой момент вскочить и побежать. Его манера речи довольно резкая, громкая, без особых церемоний.

Прямо за Хитчем, на следующем ряду, сидел *Рен Сол*. Высокий, худощавый с постоянной улыбкой и добрыми, почти наивными сиреневыми глазами. Светлые золотистые волосы собраны в низкий хвост красной резинкой, на лбу — золотистая чёлка. Синий хлопковый бомбер с капюшоном, тёмно-серые рукава, тёмно-синие спортивные штаны, синие кроссовки с белой подошвой. От Рена веяло теплом — не физическим, а внутренним, солнечным. Он производил впечатление простодушного доброго человека, который никогда не злится и всегда готов прийти на помощь.

На другом ряду, сзади, по диагонали от Рена, сидела *Ева Эстебан*. Резкий, задорный голос, светлые волосы собраны в пышный хвост, объёмная чёлка разделёна на две большие пряди, на лбу — белая спортивная повязка. Спортивная фигура, голубые глаза с хитринкой. Она тоже была в спортивной форме, как и Хитч, но белой с двумя чёрными полоска-

ми и логотипом «Бриза», кроссовки — белые. Ева смотрела на происходящее с лёгкой усмешкой, будто всё вокруг — забавный спектакль.

— Скажите, пожалуйста, что Микко сказал после сюръекции? Я не успел записать, — донёсся шёпот сзади.

Рен подался вперёд и дёрнул Хитча за плечо. Хитч резко обернулся, сверкнув глазами:

— Отвали! Ты мне мешаешь!

Альфред, не поворачиваясь, спокойно ответил:

— Он говорил про инъекцию.

Рен похлопал глазами и усмехнулся:

— Инъекция? Уколы типа?

С заднего ряда послышался задорный девичий голос:

— Боже, Рен, мы же не на химфаке!

Ева улыбалась, сложив руки на груди. Рен обернулся к ней и, ничуть не смущаясь, ответил:

— Евочка, я же шучу!

В этот момент Микко резко развернулся к аудитории. Его взгляд прошёлся по рядам.

— Кто разговаривает?

Фредерик поднял глаза и с ужасом понял, что доцент смотрит прямо на него. Его зелёные глаза немного округлились.

— Ашикура... — произнёс Микко ледяным тоном.

— Да почему я?! — вырвалось у Фредерика.

— Товарищи спросили, что такое инъекция. Вы, кажется,

знаете ответ.

Альфред и Фредерик переглянулись. Их взгляды встретились — в них читалась одна и та же мысль: «У него что, вместо ушей локаторы? Он слышит каждый шёпот». Фредерик добавил про себя: «Но придирается только ко мне. Почему? Помнит? Не понимаю, это хорошо или плохо?»

Микко слегка потёр подбородок, придерживая ладонь у лица, и пристально посмотрел на Фредерика.

— Вы же знаете, что такое инъекция? Расскажите всем.

Фредерик, который уже успел подпереть голову рукой, медленно убрал её. Посмотрел на стол, вздохнул:

— Вы хотите, чтобы я рассказал у доски...?

— Расскажите с места. Встаньте.

Фредерик встал. Он решил объяснить оригинальным способом. На стульях.

— Ну, вот. Возьмём два множества: множество учеников и множество стульев. Мы установим соответствие между ними — то есть просто рассадим студентов на стулья.

Он говорил спокойно, глядя в пустоту перед собой.

— Давайте представим студентов и стулья. Если вдруг все стулья оказались заняты, но на некоторых сидят по двое, а то и по трое — это сюръекция. В этом случае студентов не может быть меньше, чем стульев, потому что пустых стульев нет.

— Дальше. Если каждый студент сел на отдельный стул, при том, что некоторые стулья могут оставаться свободными

— это инъекция. При таком отображении стульев не может быть меньше, чем студентов — ведь на один стул не садятся сразу двое.

— И наконец, если каждый студент сидит на отдельном стуле, при этом нет ни свободных стульев, ни студентов, которым не хватило стульев — это биекция, то есть одновременно и инъекция, и сюръекция. В этом случае количество студентов должно в точности соответствовать количеству стульев.

Фредерик перевёл дыхание и добавил чуть тише, будто рассуждая вслух:

— Естественно, вместо студентов и стульев может быть всё, что угодно. Например, числовые множества. Такие соответствия можно строить и между бесконечными множествами. Инъекция — между конечным и бесконечным, сюръекция — между бесконечным и конечным.

Микко кивнул в ответ:

— Хорошо. А теперь я объясню, что такое сюръекция и инъекция при помощи математического аппарата. Сядьте, Ашикура.

Фредерик сел.

— Ты круто рассказал, — тихо сказал Альфред.

— Ага, — добавил Хитч. — Непонятно только, почему Микко тебя постоянно спрашивает, как будто специально.

Фредерик промолчал. В этот момент в тишине раздался звонок. Микко достал телефон из внутреннего кармана

пиджака — правой рукой. Фредерик бросил взгляд и заметил, что камера на телефоне была заклеена обычным белым пластырем. Никто из студентов этого не заметил, только он. «Пластырь на камере? — подумал Фредерик. — Неужели он один из тех параноиков, которые боятся слежки? Ох уж эти...» — и тут же вспомнил шапочку из фольги, вчерашний разговор с Недом. Усмехнулся про себя. «Ладно. Всё равно. Я ведь, наверное, тоже в какой-то степени параноик, но не в обычном смысле... А лишь в том, что скрываю свою кровь от всех».

Микко взглянул на экран с лёгким удивлением. Он явно не хотел отвечать, но почему-то ответил.

— Одну секунду, — сухо бросил он аудитории.

Он молча поднёс трубку к уху, прошёл вперёд и остановился у окна. В аудитории воцарилась тишина. Сквозь динамик донеслось отчётливое «Здравствуйте» — и всё. Дальше голос на том конце стал неразборчивым: Фредерик слышал только обрывки звуков, интонации, но ни одного слова. Микко слушал, не перебивая, и лицо его медленно менялось. Сначала побледнело, затем стало каменным, а после и вовсе застыло. Он замер с телефоном в руке, не двигаясь, не моргая. Никто из студентов не понимал, что происходит. Тишина в аудитории стала почти осязаемой. Затем Микко нажал «завершить вызов» и убрал телефон в карман.

— Чего это Микко завис? — шёпотом спросил Альфред.

— Что с его лицом? — добавил Хитч.

Микко убрал телефон в карман. Обвёл аудиторию пустым, отсутствующим взглядом.

— Пара окончена, — сказал он. — Можете идти.

Студенты зашевелились, засобирались. Кто-то радостно, кто-то удивлённо, кто-то просто облегчённо. *Асами Эванс* — невысокая девушка с волнистыми волосами мятного цвета, с каре, в небольшой шляпе и кругловатых очках — быстро строчила в своём «странном блокноте»: *«Доцент Микко Усаги. Он говорит без бумажки. Как робот. Смотрит на всех так, будто знает, что мы ещё не поняли. Но он не злой. Он просто... другой. Я записала его как „Микко-робот“. Надеюсь, он не узнает. Это секрет».*

Ева, проходя мимо, заглянула через плечо.

— Чудила, ты что, не успела записать лекцию?

— Нет, — ответила Асами тихо, почти шёпотом. — Я записываю, что Микко говорит без бумажки. Он как робот — всё наизусть. Я думаю, у него внутри всё записано. Я назвала его «Микко-робот».

— Он тебя убьёт, если узнает, — сказала Ева, рассмеявшись.

— Я никому не скажу. Это тайна, — ответила Асами.

В коридоре Хитч выдохнул:

— Препод выпал в осадок после звонка, что аж закончил раньше. Я думал, он нас до конца мучить будет. Небось, ему мошенники звонили. Они любого достанут...

Рен, шагавший рядом, усмехнулся:

— Инъекция — зачёт!

Фредерик вышел из аудитории одним из последних. Следом — Альфред, задержавшийся, чтобы поставить подпись в журнал посещаемости: обычная рутина образцового старосты. Он подошёл к Фредерику, который всё ещё держал в руках два пакета с шоколадом.

— Фредерик, — окликнул Альфред. — Не хочешь сходить в столовую?

Фредерик поднял голову. Только что он переваривал лекцию, странный звонок Микко и то, как доцент буквально сверлил его взглядом. Пакеты оттягивали руки.

— Да, — ответил он. — Пойдём.

Они двинулись по коридору. Альфред шёл рядом, чуть замедляя шаг, чтобы Фредерик не чувствовал себя вынужденным торопиться с тяжёлыми пакетами.

— Слушай, — Альфред заговорил негромко, оглядываясь, чтобы никто не услышал. — А почему Микко так на тебя взъелся? Вёл себя так, словно ты ему чем-то насолил.

Фредерик пожал плечами.

— Кто знает... Наверное, не любит опоздавших, либо шуршание пакетов вывело из себя.

— Нет, — Альфред покачал головой. — Он смотрел на тебя так, будто... узнал. И ждал от тебя чего-то.

Фредерик промолчал. Внутри шевельнулось беспокойство. «Узнал. Точно узнал. Но зачем ему это выяснение с аксиомами? Проверял?»

— Ладно, — Альфред не стал настаивать. — Просто имей в виду: он тебя запомнил. И не факт, что в лучшем смысле.

— Учту, — коротко ответил Фредерик.

Впереди шёл Хитч, засунув руки в карманы своих спортивных штанов с ярко-зелёными полосками. Он подумал, что неплохо было бы пойти в столовую с Альфредом, но вдруг заметил девушку, выходящую из соседней аудитории. Она была невысокой, с каре, чёлкой и немного отстранённым взглядом карих глаз. Хитч вдруг забыл про всё на свете — ему очень захотелось с ней познакомиться. Он встал прямо перед ней, широко улыбнулся и, слегка почёсывая подбородок, радостно спросил:

— Привет! Как тебя зовут?

Девушка едва взглянула на него — невысокого, кучерявого, в спортивной олимпийке — и, не сбавляя шага, бросила:

— Неважно.

— А я Хитч! — крикнул он ей вслед.

Но девушка уже завернула за угол, даже не обернувшись. Расстроенный Хитч остался стоять посреди коридора с каменным лицом, опустив взгляд в пол.

— Ну, и... — пробормотал он. — Вот так знакомство...

В этот момент к нему подошли двое. Рен с любопытством посмотрел вслед девушке, Ева ухмыльнулась и хлопнула Хитча по плечу.

— М-да, не везёт тебе, парень, — сказала она. — Не с той начал.

— Да я просто... — Хитч досадливо махнул рукой, убирав ладонь Евы со своего плеча. — Ладно, потом разберусь.

Он перевёл взгляд на Рена, заметив на его рюкзаке значок с волейбольным мячом.

— Слушай, ты, наверное, тоже волейболист? — спросил Хитч, мгновенно переключаясь на знакомую тему.

— Ага, — Рен улыбнулся своей обычной широкой улыбкой. — В школе за сборную играл. Доигровщик.

— А я связующий, — Хитч кивнул. — Хитч, кстати.

— Рен.

Они пожали друг другу руки.

— Я Ева, — представилась девушка. — Нападающая. В школе тоже в волейбол рубилась.

— Класс, — Хитч повеселел. — А то я уже думал, здесь одни ботаники.

— Ну, мы не ботаники, — усмехнулась Ева. — Но на матфак попали, значит, и математику как-то осилим.

— Не факт... — тихо, едва слышно сказал Рен.

Это был тонкий намёк: Рен считает, что если его товарищи будут легкомысленно относиться к учёбе, то долго здесь не продержатся. Затем Рен добавил:

— Я, кстати, вообще люблю математику. И волейбол. Для меня это хорошее сочетание.

— А я, — Хитч кивнул в сторону Альфреда, который шёл впереди с Фредериком, — за другом пришёл. Альфред — мой друг детства. Он староста. Решил составить ему компа-

нию, тем более квота спортивная подвернулась.

— Так вы с Альфредом друзья? — удивилась Ева. — Он такой... спокойный, ответственный. А ты...

— А что я? — Хитч вдруг вздёргнул подбородок. — Я тоже ответственный. Просто... Немного по-другому.

— Ладно, — сказал Рен и рассмеялся. — Пошли в столовую? Там и поговорим подробнее.

— Пошли, — кивнул Хитч.

— Я с вами, — добавила Ева.

Они двинулись к выходу из аудитории и направились в столовую.

Софи и Асами тоже вместе шли в столовую. *Софи Браун* была подругой Асами — они знали друг друга ещё со школы. Среднего роста, с каштановыми прямыми распущенными волосами и очками в тонкой оправе, она держалась с лёгкой уверенностью, которая чувствовалась даже в походке. На ней была простая блузка с коротким рукавом и юбка-карандаш, а взгляд, чуть хитрый и внимательный, выдавал в ней человека, привыкшего замечать детали. Асами планировала взять чай и пирожное. Софи — салат и кофе.

— Ты заметила, как Хитч бегал за той девушкой? — спросила Софи, подкалывая.

— Не обращала внимания, — честно ответила Асами.

— А зря. Забавно было.

Они посмеялись. Софи прекрасно знала, что Асами не сплетница, и это ей нравилось в ней.

Глава 4. Первый день в столовой университета

3 сентября 2018 года, понедельник. Университет.

Микко закончил пару раньше времени, и столовая ещё не успела заполниться. Альфред глянул вперёд и радостно воскликнул:

— Смотри-ка, в очереди только два человека! А мы, однако, очень вовремя подошли!

Фредерик посмотрел. У раздачи стояли двое — по виду одноклассники, хотя он ещё никого толком не разглядел. Альфред, похоже, знал всех по списку. Двое — *Лев Сухарев* и *Люси Люминс*, имена которых Фредерик пока не знал, — взяли подносы и сели за столик у окна. Лев, среднего роста, стройный, с тёмно-каштановыми волосами, уложенными аккуратной чёлкой-шторкой, и светло-зелёными глазами с лёгким желтоватым оттенком — взгляд серьёзный, почти строгий. Одет просто: чёрная куртка-рубашка, белая футболка, тёмные брюки, чёрные полуботинки. Люси — невысокая, светловолосая, с голубыми глазами и улыбкой; на ней юбка до колена и белая блузка. Фредерик заметил, как Лев придержал для неё стул а она даже не взглянула — сразу уткнулась в телефон. Фредерик подумал: «Он делает для неё всё, а она даже не замечает. Это... грустно». Альфред с Фре-

дериком взяли подносы и подошли к витрине. За стеклом — десяток салатов, горячее, выпечка на любой вкус. Цены оказались вполне студенческими.

Альфред шагнул к витрине и вежливо поздоровался с поварихой.

— Здравствуйте. Дайте мне, пожалуйста, яйца с беконом, блинчики с творогом, естественно, чай и... вау, у вас есть протеиновый батончик? Дайте мне его, пожалуйста, батончик «Атом-34».

Повариха кивнула, быстро собрала заказ и отдала тарелки.

— Благодарю, — вежливо сказал Альфред.

Он оплатил, взял поднос и отошёл к кассе, пропуская вперёд Фредерика. Тот, держа поднос, подошёл к витрине, и тут же замер. «У меня же денег нет! — пронеслось в голове. — Я всё потратил на шоколад Неду. А сдачу дома оставил». Он стоял молча, глядя на еду, и не заказывал. Альфред, стоящий рядом, боковым зрением заметил его волнение. Взгляд Фредерика метался, лицо стало каменным — и не от высокомерия, а от стыда. «У него что, денег нет?» — подумал Альфред.

— Фредерик, — позвал он. — Ты что, забыл взять деньги на обед? Впрочем... Давай я угощу тебя!

— Ну, мне неловко... — начал Фредерик.

— Давай! — Альфред говорил спокойно, но настойчиво. — Мне не жалко! Что будешь?

— Я буду... — Фредерик запнулся.

Сзади уже собралась очередь. Кто-то вздыхал, кто-то переминался с ноги на ногу. Одна из их одноклассниц — невысокая девушка с волнистыми волосами мятного цвета, с причёской каре, в небольшой шляпе и кругловатых очках — осторожно спросила:

— Мальчики, можно побыстрее?

Альфред повернулся к ней и, узнав, мягко ответил:

— Конечно, в порядке очереди, Асами.

Асами кивнула и тактично отошла на шаг. Голоса из очереди становились громче:

— Давайте быстрее, вы тут не одни!

Альфред бросил взгляд назад — спокойный, но с лёгким раздражением. Фредерик стоял с окаменевшим лицом — ему было неловко.

«Как вы достали, ребята, — подумал Альфред. — Мы же имеем право не за секунду решать, что нам брать».

— Фредерик! — сказал он вслух. — Давай я просто возьму тебе то же, что и себе?

— Да мне как-то неудоб...

— Моему другу то же, что и мне! — перебил Альфред, радостным голосом обращаясь к поварихе.

Фредерик в мыслях зацепился за слово: «Другу?»

Очередь зашумела с новой силой:

— Быстрее давай!

Фредерик мысленно съёжился: «Как-то неловко. Даже очень...» Альфред вздохнул про себя: «Да что вы ко мне

привязались...» Альфред расплатился за двоих. Они взяли подносы и отошли в поисках стола.

Напротив кассы, за небольшим столиком сидели двое. *Матвей Черных* — высокий, с чёрными волосами, уложенными в маллет, и чёлкой, закрывающей тёмную повязку. Лицо серьёзное, тёмно-синие глаза. Одет в кожаную куртку и чёрную футболку. Одной рукой он держал книгу по математическому анализу, второй — вилку, которой методично отправлял еду в рот, почти не глядя на тарелку, уткнувшись в текст.

Рядом с Матвеем сидела *Дария Черногорская* — девушка с такими же чёрными волосами, в чёрной одежде и с хитрой, чуть грустной улыбкой. Её губы были накрашены чёрной помадой. Она пила чай и поглядывала на Матвея своими зелёными глазами.

— Мэтт, — сказала Дария тихо, — как хорошо, что мы пришли рано, что очереди не было. Да?

— Что? — переспросил Матвей, не отрываясь от книги. Потом всё же поднял глаза, посмотрел на Дарию и добавил — Ты меня отвлекаешь. Я читаю очень интересную книгу.

— Ты всегда так говоришь, когда не хочешь разговаривать? — спросила Дария с лёгкой усмешкой

— Я всегда не хочу разговаривать. Это не значит, что я не хочу тебя слушать, — ответил Матвей.

— Ты странный, Мэтт, — удивилась она.

— Я знаю. Мне так проще, — ответил он и снова уткнулся

в книгу, но Дария заметила, что он перестал есть.

— Мэтт, ты хоть видишь, что ешь? — спросила она.

— Вижу, — ответил он, не поднимая глаз. — Это бекон.

— А книга?

— Это матанализ. Я могу делать два дела одновременно.

— Ты похож на робота, — усмехнулась Дария. — Ешь и читаешь одновременно. Только у роботов нет души.

— А у тебя есть? — спросил Матвей, подняв голову.

Дария замерла от того, что он задал ей вопрос не о книге.

— Есть, — тихо сказала она. — Просто я её прячу. Как и ты.

Матвей ничего не ответил и снова уткнулся в книгу.

Фредерик и Альфред нашли свободный столик в углу, сели рядом. Альфред быстро расправился со своей едой, откинулся на спинку стула, закинул руки за голову и довольно улыбнулся, прикрыв глаза. Он ждал, когда Фредерик доест. Тот жевал медленно, чувствуя неловкость. Отодвинул тарелку, Фредерик наконец сказал:

— Я, конечно, извиняюсь. Прошло столько времени. Нужно было сделать это сразу, но я так и не спросил. А ты... вообще кто?

Альфред не открывал глаз. Он сидел всё так же, держа руки за головой, но улыбка немного сползла с его лица. Даже с закрытыми глазами было видно, как ему стало неловко. Фредерик продолжил:

— И откуда ты меня знаешь? Ты что, староста?

Альфред промолчал. Он медленно убрал руки из-за головы, открыл свои янтарные глаза, повернул голову к Фредерику, снова улыбнулся — тепло, без тени прежней неловкости.

— Это я извиняюсь, что сразу не представился. Моё упущение. Всё верно, я — староста. Я — Альфред Фатихоглу. Он показал на себя большим пальцем, согнув руку в локте под прямым углом.

— Понял, — коротко ответил Фредерик.

— А ведь у нас даже имена похожие, — заметил Альфред.

— Правда, я не очень люблю сокращение «Фред».

— Я тоже, — неожиданно для себя сказал Фредерик.

Альфред кивнул и продолжил:

— Вообще, я не сказал бы, что я такой уж общительный человек, каким мог показаться на первый взгляд, но у меня почему-то сложилось впечатление, что мы с тобой чем-то похожи... Ну... будем друзьями?

Фредерик посмотрел на него. Неловкость всё ещё осталась.

— Будем, — ответил он.

Альфред улыбнулся и снова закинул руки за голову.

— Отлично. Тогда доедай, и пойдём на следующую пару.

Асами проходя мимо, случайно задела столик.

— Ой, извините! — она улыбнулась и поправила шляпу.

— Ничего, — кивнул Фредерик

— Это Асами. Она всегда такая — везде лезет, но без неё было бы скучно, — тихо сказал Альфред с улыбкой, подпи-

рая голову рукой.

Фредерик посмотрел ей вслед и подумал: «Она действительно... светится. Как будто ей всё равно, кто рядом — она просто добрая». На полу лежал блокнот, который, вероятно, выпал у Асами, когда она проходила мимо. Фредерик поднял его и окликнул Асами:

— Асами! Ты потеряла блокнот.

— Ой, спасибо! — сказала Асами, обернувшись. — Это мой «странный блокнот». Там всё, что я не понимаю на лекциях. Потом разбираюсь. И просто различные наблюдения.

— Ты записываешь то, что не поняла? — спросил Фредерик с удивлением.

— А как иначе? Если не записать — забудешь, что не поняла, — сказала Асами, улыбнулась и ушла.

Фредерик посмотрел на Альфреда и сказал с иронией в голосе:

— Она чудная.

— Но умная, — ответил Альфред. — Отличница, говорят.

Когда Фредерик доел, Альфред уже стоял с двумя подносами — своим и Фредерика — и терпеливо ждал.

— Пойдём? — спросил он.

Фредерик медленно встал из-за стола.

— Да... Спасибо, что угостил. А какая у нас следующая пара?

— Английский, — ответил Альфред.

Фредерик машинально посмотрел на стол, ища свой поднос. Не найдя, он огляделся по сторонам, но Альфред уже держал оба.

— А где... — начал Фредерик и осёкся.

— Что? — Альфред наклонил голову.

На лицо Фредерика легла тень.

— Я хотел убрать поднос.

Альфред улыбнулся, прикрыл глаза и сказал своей обычной доброй интонацией:

— Я уберу.

Фредерик замялся:

— Ну... Спасибо...

Альфред пошёл к месту, куда студенты складывали грязную посуду на подносах. Фредерик остался ждать его. В голове пронеслось: «Зачем он это сделал? Я же его не просил». Через минуту Альфред вернулся. Фредерик посмотрел на него серьёзно.

— Слушай, Альфред.

— Да?

— Почему ты купил мне еды? Ещё и поднос мой убрал...

Я даже подумать ни о чём не успел. Мне как-то неловко.

Альфред пожал плечами:

— Всё очень просто. Я угостил тебя в знак начала нашей дружбы. А почему помог с подносом — так у тебя руки были заняты пакетами. — Он кивнул на два чёрных пакета с шоколадом, которые Фредерик так и держал в руках. — Кстати,

не хочешь их куда-нибудь убраться? Есть у меня одна идея.

Фредерик вспомнил, как уходил с лекции, и Микко бросил ему вслед: «Больше не приходите, если сильно опоздали. Особенно с пакетами».

— Да уж, — вздохнул Фредерик. — Ты прав.

— Предлагаю оставить твои пакеты в гардеробе, — сказал Альфред. — А после занятий забрать. Чтобы не ходить с ними туда-сюда по этажам. По виду они у тебя тяжёлые. А что там, если не секрет?

— Там... молочный шоколад. Десять килограммов. — Фредерик помолчал. — А ты уверен, что такие пакеты можно оставить в гардеробе?

— Вполне. Не думаю, что с ними что-то должно произойти.

Альфред сказал это уверенно, но внутри закрались сомнения. Он, впрочем, особенно не задумался. Ему казалось, что в университете работают и учатся только интеллигентные и приличные люди. Вряд ли кто-то будет красть пакеты, особенно если оставить их перевязанными.

— Только обязательно перевяжи пакеты, — добавил вслух Альфред. — Чтобы никто случайно не подумал, что это забытые вещи.

Фредерик кивнул.

Они стояли рядом с местом, куда студенты складывали подносы. Чуть поодаль, топтался высокий худощавый студент с серой чёлкой, падающей на половину лица, шею плот-

но обматывал сиреневый шарф-пончо, немного потрёпанный сзади — даже в тёплой столовой он не снимал его. Парень не ел, не пил, просто стоял и смотрел в одну точку. Услышав разговор про шоколад, он вздрогнул и быстро отвернулся. Это был *Широ Саган-Дали*. Фредерик ещё не знал его имени.

Фредерик и Альфред двинулись к выходу из столовой.

— Широ, — негромко позвал чей-то голос сзади.

Худошавый студент обернулся. К нему подошёл парень с веснушчатым лицом и наглой ухмылкой. Высокий, с взъерошенными коричнево-рыжеватыми волосами, разделёнными пробором посередине. Одет неряшливо: футболка навыпуск, рваные джинсы, кеды и растёгнутая толстовка — явно на размер больше, чтобы казаться плечистее. Держался он с такой бравадой, будто был как минимум главой студсовета. Его имя — *Ролан Дей*. Он тот, кто любит цепляться к тем, кто слабее. Он положил руку на плечо Широ и сказал вполголоса:

— Пошли-ка сходим в толчок, Широ.

Широ сжался, но перечить побоялся. Он пустил голову и пошёл за Роланом. Они завернули за угол и оказались у двери туалета. Ролан огляделся — никого.

Он прищурился и спросил своим обычным наглым голосом:

— Ну, что, Широ, услышал, что там в пакетах?

Широ стоял, глядя в пол, и нервно переплетал пальцы.

— Там... молочный шоколад, десять килограммов, — тихо ответил он.

Ролан ухмыльнулся.

— Вау! Целых десять кило. Ты украдёшь их и отдашь мне. Хотя... — он задумался на секунду и замолчал, услышав, как в их сторону кто-то идёт.

Из-за поворота показался Лев. Он не обернулся, не замедлил шаг. Прошёл мимо Ролана и Широ молча, даже не взглянув на них, зашёл в туалет, закрыв за собой дверь. Ролан проводил его взглядом, но ничего не сказал. Ролан хоть и был задиристый, но чувствовал, что со Львом лучше не связываться. Тот был похож на человека, который не лез в драки, но если его задеть — мог ответить так, что мало не покажется. На того, кто говорит мало, но делает много. Ролан, осознавая это решил повеселиться и поиздеваться и надо Львом, и над Широ, но не своими руками, а с помощью Широ. Он продолжил:

— Давай сделаем лучше. В толчок только что зашёл наш одноклассник. Иди за ним, посмотри, в какую кабинку он зайдёт. Залезь на кабинку сверху и посмотри на него в момент, когда он будет делать свои дела. Он наверняка обделается со страху. Ты скажешь ему, что он должен украсть пакеты этого опоздавшего пацана и отдать тебе. Если всё сделаешь правильно, тогда я тебе ничего не сделаю и никому ничего не скажу. Ты понял?

Он хлопнул Широ по плечу. Тот вздрогнул и сжался силь-

нее.

— Ролан, п-п-пожалуйста, не нужно... — прошептал Широ. — Я не могу... Он тут ни при чём... Как и я...

— Чё?! — Ролан повысил голос.

— Ничего! — Широ задрожал. — Я... я лучше сам всё сделаю.

— А, ну-ка быстро пошёл и сделал так, чтобы этот ботан украл пакеты сам. Так будет лучше.

Ролан распахнул дверь туалета, слегка подтолкнул Широ

— Так что давай, пошёл!

Глава 5. Кипяток

3 сентября 2018 года, понедельник. Университет.

Широ переступил порог туалета и замер. Внутри было тихо. Из второй кабинки доносился шорох одежды и звук то ли застёгиваемой, то ли расстёгиваемой молнии. «Это он», — понял Широ. Он никому не хотел делать плохо, но страх перед Роланом был сильнее. Ролан угрожал рассказать всем, что Широ списал на вступительных экзаменах, и обещал сделать его жизнь невыносимой. Широ в это наивно верил. Он собирался с мыслями. В голове шумело. «Надо что-то делать. Надо. Надо. Иначе Ролан...» Когда из кабинки донёсся звук слива, Широ решился. Он подошёл к двери, поднял руку и со всего размаха постучал.

Бах! Бах! Бах!

Внутри затихло. Лев слегка вздрогнул от неожиданности — не от страха, просто не понял: «Кто долбится в мою кабинку?» Он только начал застёгивать ремень, когда услышал странные шорохи снаружи. Широ обхватил руками верх двери и, подтянувшись, попытался залезть. Его длинные худые ноги дрожали, пальцы скользили. Наконец он выглянул из-за верха двери и еле слышно пробормотал себе под нос:

— П-п-прости, пожалуйста... но ты должен украсть пакеты нашего одноклассника.

Лев стоял спиной, застёгивая ремень. Он не обернулся.

Его лицо было невозмутимым — только брови чуть сошлись к переносице. Потом он резко поднял руку вверх и, не глядя, с силой ударил Широ локтем в нос. Послышался хруст. Дверь кабинки покосилась. Широ вскрикнул, повис на дверях, пытаясь удержаться, но петли не выдержали. Дверь слетела, и Широ рухнул на пол, увлекая её за собой. Она упала сверху, и он забился под ней, как пойманный зверёк.

В момент падения ребро двери задело Льва, оставив длинные царапины на щеке и носу. Лев пошатнулся, поскользнулся на кафеле и ударился головой о соседнюю кабинку. Из кармана вылетел телефон, проскользил по полу и закатился под щель соседней кабинки справа. Как оказалось, всё это время там кто-то был.

Парень в третьей кабинке слышал шум. Сначала он замер, а потом заметил телефон у своих ног. Он поднял телефон — не чтобы украсть, а чтобы помочь. Экран загорелся. Ни пароля, ни пин-кода, ни графического ключа. Ничего. Парень быстро зашёл в камеру, включил видеозапись и едва заметно высунул руку с телефоном в щель, чтобы объектив захватывал происходящее. Он любил справедливость и хотел зафиксировать инцидент — именно на телефон «жертвы».

Лев, уже стоя, потирал ушибленную правую руку — дверь зацепила и её. Он посмотрел на Широ, который пытался выбраться из-под двери. Лицо Широ было в крови: нос разбит, щека и подбородок исцарапаны, пальцы левой руки поцара-

паны, костяшки — в крови. И всё это произошло по вине Ролана. Но Широ этого не осознавал — он боялся

Лев сжал ушибленное место, наклонился к Широ и спросил серьёзным, спокойным голосом, в котором, однако, звенела сталь:

— Ты что творишь? Знаешь, что за такое бывает?

Широ, сидя на корточках напротив Льва, поднял глаза. В них был страх, но не передо Львом, а перед Роланом. И этот страх вдруг превратился в отчаянную, дикую смелость.

— Ты должен украсть пакеты! — выпалил он. — Пожа-луйста...

Лев не стал ждать. Он резко ударил Широ правой рукой в живот. Не сильно — так, чтобы сбить дыхание. И посмотрел на него со всей строгостью, на какую был способен.

— Слушай ты, дебил. Таким, как ты, здесь не место. Ты что устроил в первый день?!

Широ согнулся от удара, но тут же выпрямился. Страх снова придал ему сил. Он резко, но вяло протянул правую руку, сжатую в кулак, вперёд, надеясь схватить Льва за шею. Широ был высоким, длинным, но абсолютно слабым и хилым. Руки дрожали, пальцы почти не сгибались. А Лев, хоть и среднего роста, оказался куда более ловким и сильным — в нём чувствовалась скрытая, спокойная сила.

Лев мгновенно перехватил руку Широ, заломил её и перевернул противника на спину. Тот оказался на полу, прижатый рукой Льва. Его лицо скривилось — от отвращения,

от усталости, от того, что в первый же учебный день приходится видеть подобное. Он не удержался и плюнул прямо в исцарапанное лицо Широ.

— Тьфу! Какой же ты мерзкий. Как тебя только земля носит.

Широ закашлялся. Ему было отвратительно, стыдно, больно. Он снял шарф, трясущимися руками вытер слюну, потом закрыл лицо руками, лёг на полу и замер. Ему было стыдно смотреть Льву в глаза. Он знал: это его одноклассник. Думал, что Ролан теперь с ним сделает что-то ещё, что этот парень его возненавидит. Широ было стыдно за слабость, за то, что снова пошёл на поводу у Ролана и испортил о себе впечатление в первый же день. Из-под шарфа слышались всхлипы. Лев стоял, смотрел, как Широ закрывает лицо, слышал, как тот плачет. Бровь Льва чуть дрогнула. Он нахмурился.

— Подумай своей глупой головой, что ты творишь, — сказал Лев тихо, но жёстко. — Ещё раз выкинешь что-то подобное — тебя здесь не будет.

Он развернулся и пошёл к раковине. Текла холодная, обжигающая вода. Лев умылся, смыл кровь и взглянул на царапины — неглубокие, но заметные. С тёмных волос стекали капли. Он бросил последний взгляд на Широ. Тот всё ещё лежал, закрыв лицо руками. В третьей кабинке парень оставил записку. Он убрал телефон Льва в карман — вернёт потом, — выдохнул и откинулся на стенку. Справедливость

была зафиксирована.

2013 год. Школа. 7 класс Широ.

Широ сидел за партой и слушал внимательно — не от интереса, а от страха: если не поймёт сейчас, придётся перечитывать дома. Новый материал входил в голову медленно, как вода в сухую землю. Широ перечитывал каждую тему по три раза. Не потому, что был глуп — просто ему требовалось чуть больше времени, чем другим. Спал он мало: утром вставал с теньями под глазами, быстро завтракал и выходил из дома за час до уроков — не потому, что жил далеко, а чтобы не опоздать. Широ сам для себя решил, что опаздывать нельзя, ведь это могло привлечь внимание, а привлекать внимание он не хотел. Он был хорошистом. Не высовывался, не задавал вопросов, не жаловался.

Ролан перевёлся в эту школу в 2013-м, в седьмом классе. Высокий, взъерошенный, с наглой ухмылкой, носил футболки на размер больше, джинсы в пятнах от чипсов, ходил с расстёгнутой курткой — чтобы казаться крутым. На деле — обыкновенный слабак, но хитрый. Жертв выбирал по принципу: тех, кто не даст сдачи. Присмотрелся к тихому Широ, который не жаловался — идеально. Сел с ним за одну парту, и тот не возражал. Списывал домашние задания — Широ протягивал тетрадь. Прятал пенал — тот искал. Щипал на переменах — тот терпел.

— Ты ботаник, — ухмылялся Ролан. — Твоё дело — учиться. А моё — тебя развлекать.

Широ не спорил. Со временем Ролан расширял границы: требовал делать за него уроки — Широ делал; давать списывать на контрольных — он давал; ставил подножки — тот падал. Однажды столкнулся с лестницы — Широ хромал две недели. Ролан смеялся, Широ молчал.

— Тебе же нравится, — говорил Ролан, когда тот поднимался. — Без меня жил бы как растение. А я тебя развлекаю.

Широ верил, потому что не знал, как ещё выжить. Ролан был для него монстром, которому нельзя перечить, иначе станет хуже, — загонит в угол, из которого не вылезти. Широ видел этот угол каждый раз, когда смотрел в глаза Ролану.

Чтобы казаться круче, Ролан подружился с настоящими хулиганами — старше, сильнее, злее. Прибился к ним, рассказывая, как «держит в страхе» весь класс. Те, такие же глупые, верили: на фоне Широ Ролан действительно казался сильным. Иногда они собирались всей компанией после уроков. Широ приволакивали силой. Ролан требовал стоять на голове, бегать за энергетиками, изображать животное. Широ делал всё, потому что боялся.

2015 год. Школа. 8 класс Широ.

Однажды, в восьмом классе Ролан заманил Широ в подсобку за спортзалом под предлогом, что им «надо поговорить». Широ понимал, что ничего хорошего не будет, но отказать не мог. Он шёл за Роланом, сжавшись, глядя в пол, и уже жалел, что вышел из класса. В подсобке было темно и пахло пылью. Ролан толкнул дверь, пропуская Широ внутрь,

и захлопнул за собой. Навстречу из темноты вышли двое — те самые, с которыми Ролан любил «шутить». Один держал старый электрический чайник, из носика которого шёл пар. Второй — кружку.

— Принесли? — спросил Ролан.

— А то, — ответил тот, что с чайником.

— Сколько градусов?

— Кипит. Сразу из-под крышки.

Ролан ухмыльнулся и повернулся к Широ.

— Слушай, ботаник. Ты, наверное, замёрз? Давай согреём.

Широ от страха попятился и упёрся спиной в холодную, шершавую стену. Он смотрел на поднимающийся пар — и не мог пошевелиться. В голове пульсировало: «Нет. Нет. Пожалуйста. Нет».

— Держите его, — скомандовал Ролан.

Приятели схватили Широ за плечи, прижав к стене. Он не мог вырваться. Ролан взял кружку, и тот, кто держал чайник, налил кипятка на четверть. Пар повалил ещё гуще. Ролан поднёс кружку к лицу Широ.

— Не надо... — прошептал Широ. — Пожалуйста, не надо...

— Что? — Ролан наклонил голову, делая вид, что не слышит. — Не понял. Ты что-то сказал?

Широ не ответил — горло сжалось. Ролан кивнул приятелям. Те дёрнули Широ за волосы, запрокидывая голову, и

Ролан резким, размашистым движением выплеснул кипяток прямо на правую щеку и шею. Боль была мгновенной. Широ закричал — дико, отчаянно, как зверь, попавший в капкан. Горячая вода растеклась по лицу, обожгла шею, грудь. Кожа зашипела, покраснела, покрылась пузырями. Запах ошпаренной кожи ударил в нос. Широ забился, но его держали.

— Подержите, не отпускайте, — сказал Ролан.

Он вылил ещё, пока кружка не опустела. Затем бросил её на пол — она разбилась с глухим звоном.

— Всё, — сказал он приятелям. — Отпускайте.

Широ сполз по стене, свернулся, зажимая лицо руками. Он не кричал — только хрипел. Кто-то смеялся, шаги удалились, дверь хлопнула. Широ остался один.

Ожог занимал треть правой щеки, кожа стала гладкой и блестящей, волосы не росли. Шея тоже была обожжена — рваный, бесформенный шрам. Врачи говорили, что нужна пересадка, но денег не было. Три недели в ожоговом отделении, больно дышать, он молчал и смотрел в потолок.

Дома мать спросила, что случилось. Широ сказал — сам опрокинул чайник. Она не поверила, но не стала допрашивать.

С тех пор он прячет щеку под чёлкой, шею — под водолазкой и шарфом, даже в жару. Не выносит, когда видят шрамы. Они напоминают ему о слабости. Он должен был возненавидеть Ролана, пойти в полицию, но сломался. Ролан добился своего. Широ подчинился окончательно. Боялся до тошно-

ты, до холодного пота. Не осознавал, что Ролан — трус, чья сила лишь в чужой слабости. Для Широ он был монстром, от которого не убежать. Ролан заставлял его делать глупости — Широ делал, веря, что иначе будет хуже. Он забился в угол, перестал жаловаться, перестал просить о помощи. Просто ждал, когда закончится школа.

2018 год. Школа. 11 класс Широ. Выпускные экзамены.

Широ готовился к экзаменам, как никто другой. Перечитывал каждую тему по три раза, решал тесты до автоматизма, не спал ночами. Не надеялся на удачу — только на себя. Методичка была истрёпана до дыр, выучена наизусть. Все задачи решены. Широ много читал, хоть и медленно. Экзамены сдал самостоятельно. Без репетиторов, без шпаргалок, без чьей-либо помощи. По математике он набрал 87 баллов из 100 — достаточно, чтобы подать документы в хороший университет.

Ролан, в отличие от Широ, не готовился. Он не заморачивался над учёбой. В свободное время он играл в телефоне, гулял с друзьями или спал. Но перед экзаменами он забеспокоился. Провалить было нельзя — родители лишили бы карманных денег, а без них он не мог покупать чипсы, сухарики и энергетики.

За месяц до экзаменов Ролан нашёл в интернете сайт, который продавал ответы на экзамены. Заплатил деньги — и ему прислали шесть возможных вариантов экзаменацион-

ных билетов. Всё, что нужно было сделать, — заранее подготовить шпаргалки. Он распечатал листочки мельчайшим шрифтом. Написал формулы на руках, скопировал задачи в блокнот, который спрятал в карман. На экзамене Ролан сидел так, чтобы камеры не видели его рук. Списать было невероятно сложно — три часа перед камерами, полный контроль, но Ролан оказался очень изворотлив — он списал почти всё, что мог. Он, обхитрив всех, набрал 75 баллов из 100 по математике. Достаточно, чтобы куда-то пройти. Он узнал, куда подал документы Широ — в Карминбургский Химико-Биологический Университет, и решил, что будет очень весело пойти туда же, куда и его «приятель» ботаник.

— Будем учиться вместе, ботаник, — сказал он, ухмыляясь. — Не скучно будет.

Широ узнал об этом от общего знакомого и ужаснулся. Думал, что наконец избавился от Ролана что школа закончилась и этот кошмар остался позади. Но Ролан пошёл за ним. Туда, где точно не должны были учиться такие, как он. Но его взяли, потому что вуз проверял только баллы, не проверяя адекватность, логику, способности абитуриента. Так туда ошибочно попал Ролан — полный дегенерат, который не знал ни одной формулы, но умел списывать и запугивать. Широ понял: спокойной учёбы не будет. Никогда. На первой же лекции у доцента Усаги Ролан сел рядом с Широ, и тот сжался, но не посмел уйти.

Глава 6. Первый внутренний отпор

3 сентября 2018 года, понедельник. Университет.

Теперь, лёжа на полу туалета, закрывая лицо шарфом и чувствуя чужую слюну на щеке, Широ плакал не только от стыда. Он плакал оттого, что снова оказался в той же яме. Что не может убежать. Что даже в новом месте, где никто не знает его прошлого, он повторяет те же ошибки: подчиняется и боится. Он снова чей-то козёл отпущения. Ему некуда деться, и никто не может его спасти, кроме него самого.

Лев вышел из туалета, не оглядываясь. На лице — свежие царапины. Он шёл ровно, с невозмутимым, серьёзным выражением. Ролан стоял у стены, прислонившись плечом к плакату «Мойте руки». Увидев Льва, он удивлённо вскинул брови. В голове пронеслось: «Вау, неужели Широ с ним подрался? Не верится...» Лев приблизился вплотную. Рост у него был средний, но в нём чувствовалась такая спокойная, сжатая сила, что Ролан невольно отступил на шаг.

— Только попробуй что-то выкинуть, — сказал Лев тихо, но с такой сталью в голосе, что у Ролана по спине пробежал холодок. — Я знаю, что вы заодно.

Ролан округлил глаза. Он открыл рот, чтобы что-то брякнуть, но не нашёл что сказать. Лев развернулся и пошёл прочь.

— Да пошёл ты, — бросил ему вслед Ролан, но уже тихо,

почти шёпотом, чтобы никто не услышал.

Лев, не оглядываясь, ответил:

— Таким, как вы, здесь не место.

И скрылся за поворотом. А Ролан зашёл в туалет, проверить. Дверь была снята с петель и валялась на полу. Посреди хаоса сидел Широ. Он был мрачен, смотрел в одну точку, не мигая. Ролан, увидев его, ухмыльнулся, сунул руки в карманы и подошёл ближе.

— Ну, вот. Я уж было думал, что ты его отделал, а оказалось, что он тебя. — Он кивнул на дверь. — Дверь тоже этот «Геракл» выбил?

Широ не поднял головы. Он ответил тихо, почти беззвучно:

— Нет... это я...

Ролан наклонился к нему, сверля взглядом.

— В натуре? А пакеты? Убедил его?

Широ сжался, не выдержав взгляда Ролана.

— Я... не смог...

— Ну, и дурак. — Ролан цокнул языком, развернулся и вышел.

Лев шёл по коридору с тем же невозмутимым видом, будто царапины были для него обычным делом. Но под внешним спокойствием, копилась усталость от того, что первый день преподнёс такой сюрприз. Из-за угла вышла Люси, одетая просто: юбка до колена в складку, белая блузка с коротким рукавом, сумка через плечо. Люси подняла голову, уви-

дела Льва и замерла. Потом воскликнула, подбегая:

— Лёва! Что с тобой? Что случилось?

Глаза заслезились — не от страха, а от жалости. Ей было больно видеть его в таком виде, даже если она не знала, что произошло.

— Да так... — Лев провёл рукой по царапинам. — Один больной на голову человек в туалете уронил дверь, и, когда дверь падала, она задела мне лицо. Звучит, конечно, странно, но так всё и было.

— А как же твои раны? У меня должны быть пластыри.

Люси не стала допрашивать. Она быстро полезла в сумку

— Дай руку, — попросила она Льва, найдя что-то из сумки.

Лев протянул ладонь. Люси положила свою сверху, затем убрала — в его ладони осталось несколько пластырей бежевого цвета.

— Вот. Это всё, что у меня есть. Тебе нужно заклеить раны.

Лев сжал пластыри в кулаке.

— Спасибо, Люси.

Они разошлись в разные стороны. Люси бросила на него обеспокоенный взгляд, но не стала останавливать. Лев пошёл дальше. Он прижимал руку к лицу, закрывая царапины от случайных взглядов. Смотрел в пол и думал о Люси. О том, как в её глазах блеснули слёзы. Как она искала пластыри, не задавая лишних вопросов. «Если бы она знала, что я

чувствую на самом деле...» — пронеслось в голове, но он оборвал мысль. Не сейчас.

Лев свернул в боковой коридор. В этот момент он столкнулся с кем-то. Асами шла, уткнувшись в телефон. Чёрная шляпа, скруглённые очки в чёрной оправе, длинная фиолетовая юбка в пол в складку и шаль-накидка сиреневого оттенка. Сумка через плечо подходила по цвету к её волнистым мятным волосам. Вся она была какая-то уютная. Они столкнулись. Лев машинально схватился за нос, Асами — за свои очки.

— Ой! — воскликнула она.

Лев тут же взял её за плечи, чтобы она не упала.

— Всё в порядке? Прошу прощения, что задел.

Асами поправила очки, поднесла их к глазам — левая линза треснула, разбежавшись паутинкой. Лев заметил и слегка помрачнел.

— Твои очки... Прости. У тебя, наверное, плохое зрение, теперь ты будешь плохо видеть без них.

— Ничего, — Асами улыбнулась, снимая очки. — Это очки без диоптрий. У меня всё хорошо со зрением, это просто для стиля.

— Тогда ладно, — Лев выдохнул с облегчением.

— Ой, у тебя лицо в свежих царапинах, — Асами быстро расстегнула свою сумку и достала небольшую, но плотно набитую аптечку: ватные диски, пузырёк перекиси, бинт, пластыри, даже маленькие ножницы. — У меня с собой целая

аптечка. Сейчас я дам тебе ватный диск и перекись. Мы же одноклассники? Я — Асами, а ты?

— Лев, — коротко ответил он.

— Вау, какое у тебя мужественное имя, — Асами улыбнулась шире. — Лев. Звучит круто. — она огляделась. — Здесь неудобно обрабатывать. Пойдём, я знаю одно место. Там тихо, никто не ходит.

Асами повела Льва вглубь корпуса к боковой лестнице. Ступеньки были каменные, прохладные. Сверху падал свет из окна.

— Садись, — сказала Асами, указав на ступеньку.

Лев сел. Асами присела рядом, положив аптечку на колени.

— Давай помогу, — предложила она.

— Не надо, я сам, — ответил Лев, но в голосе не было грубости.

Он взял ватный диск, смоченный перекисью, и начал осторожно обрабатывать царапины. Асами смотрела на него с любопытством, не мешая.

— Ты всегда такой серьёзный? — спросила она.

— Обычно, — ответил Лев.

— Хорошо. Серьёзные люди редко попадают в глупые ситуации.

Лев промолчал, не зная, что сказать. Он вообще не привык к таким разговорам. Обработав раны, Лев достал пластыри Люси, и аккуратно наклеил их на царапины. Асами

смотрела на него с улыбкой.

— Неплохо, — одобрила Асами. — Профессионально.

— Спасибо за помощь, — сказал Лев.

— Не за что. Мы же одноклассники. Надо держаться вместе.

— Ты всегда носишь с собой аптечку? — спросил Лев.

— Мама медсестра, приучила, — ответила Асами.

Он посмотрел на неё и задумался: «Люси просто всунула в руку пластыри и ушла, а эта — взяла и помогла. Интересно. Но у меня есть Люси. Это просто вежливость». Они сидели на лестнице несколько минут в тишине. Лев смотрел в пол, задумчивый, немного грустный.

Снизу по лестнице поднимался парень: рыжие волосы почти до плеч, чёлка на глазах, жёлто-зелёные глаза с хитринкой. Небесно-голубая ветровка, серые джинсы, белые кроссовки, за спиной — синий рюкзак. Он услышал знакомый голос, записанный на телефон в туалете, и замедлил шаг. «Лев, кажется», — подумал парень. Голос доносился сверху. Он улыбнулся и продолжил подниматься, неспешно.

— Лев, значит, — тихо произнёс парень. — Познакомимся.

Он убрал телефон и пошёл дальше. Парень поднялся на пролёт, где сидели Лев и Асами. Остановился в двух шагах от них и улыбнулся — не нахально, скорее дружелюбно, с лёгкой долей любопытства.

— Добрый день, — сказал он. — Я *Антон Громов*, ваш

одногруппник. Будем знакомы. Я, к сожалению, не успел на первую пару, по семейным обстоятельствам. Да и всю неделю, похоже, меня не будет. Только сегодня пришёл и снова уйду потом...

Лев поднял голову. Он всё ещё думал о Люси. О том, как она смотрела на него, о том, как он не смог сказать ей правду. Его взгляд был рассеянным, он смотрел почти сквозь Антона. Асами, заметив, что Лев не собирается отвечать, дружелюбно улыбнулась:

— Я Асами. А это Лев. Рады познакомиться.

Лев кивнул, но не произнёс ни звука. Антон скинул лямку рюкзака с плеча и взглянул на пластыри Льва.

— Ого, уже обработал раны, «Геракл»?

Лев дёрнулся. В его голове что-то щёлкнуло — слово, сказанное чужим голосом, выдернуло его из задумчивости. Он поднял глаза, и взгляд его стал острым.

— Что ты сказал?

— Секунду! — Антон полез в рюкзак, не замечая перемены в настроении Льва. Он вытащил телефон Льва — тот самый, который закатился под кабинку, — и протянул его владельцу. — Вот. Ты обронил.

Асами, которая уже сидела без очков, вопросительно посмотрела на обоих. Лев взял свой телефон. Экран был тёплым — его только что держали в руках. Он перевёл взгляд на Антона.

— Мой телефон. Ты... всё видел?

— Не только видел, — Антон выпрямился и с гордостью, будто совершил праведное дело, добавил: — Я ещё и заснял весь инцидент. Можешь открыть галерею. Там всё есть.

Лев не открыл галерею. Он встал, сжимая телефон, и посмотрел на Антона. В его глазах застыла сталь.

— Ты что, копался в моём телефоне? — спросил тихо Лев. — Кто тебе позволил это делать?

Антон посмотрел на него исподлобья, улыбка сползла с его лица, сменившись удивлением и лёгким испугом.

— Лев, я за справедливость, — сказал он, стараясь сохранить спокойствие. — Давай накажем виновного. Но я уверен, тот парень, который уронил на себя дверь, ни в чём не виноват. Он подставной. Ты ведь видел, какой он хилый.

Лев прикрыл кулаком своё лицо, провёл по лбу — усталым и довольно раздражённым жестом.

— Ха, так Ты у нас за справедливость по каким-то личным предпочтениям? — он убрал руку и посмотрел на Антона в упор. — Ты его защищаешь, что ли?

— Успокойся, пожалуйста, — сказал Антон с лёгким испугом.

Он сделал шаг и хотел положить руку Льву на плечо. Лев перехватил его запястье, сжал — не больно, но так, чтобы Антон не коснулся.

— Послушай меня, — сказал Лев холодно. — Спасибо, конечно, за телефон, но не надо меня трогать. И вообще не трогай мои вещи. Теперь я обязательно поставлю на телефон

пароль.

Он разжал пальцы, отпустил руку Антона и развернулся.

— Я пойду.

— Лев! — крикнула Асами, когда он уже начал спускаться. — Увидимся на следующей паре!

Он не обернулся. Антон стоял на месте, провожая Льва взглядом, потом повернулся к Асами и вздохнул:

— Ну, и характер...

— Он хороший, — тихо сказала она. — Просто сейчас не в духе.

— Ты правда заснял? — спросила она, поднимаясь со ступеньки.

— Да, — Антон кивнул. — На его же телефон. Думал, поможет.

— Может быть, — Асами улыбнулась. — Всему своё время.

Они направились на следующую пару. Антон показывал Асами свою камеру. Из-за угла вылетела Ева и чуть не сбила Антона с ног.

— Ой, прости, рыжик! Я не видела... — она остановилась, оглядела его. — Ты новенький?

— Я Антон, — сказал он, краснея. — Я... немного опоздал...

— А, понятно. Я Ева! — сказала она и широко улыбнулась. — У тебя камера? Круто! Фоткаешь?

— Просто для себя, — смущённо ответил он.

— Может, нас как-нибудь сфоткаешь? — спросила Ева.

— Можно, — сказал Антон тихо.

— Отлично! Ты заходи, если что. Мы тут все свои!

Ева убежала, оставив Антона стоять с камерой в руках.

Он проводил её взглядом и подумал: «Все свои...»

Широ оставался в туалете ещё минуту. Смыл кровь, заклеил царапины пластырями, которые носил с собой. Потом, не глядя в зеркало, вышел, низко опустив голову. Нужно было выполнить задание Ролана: забрать пакеты с шоколадом из гардероба. Если не принесёт — будет хуже. Ролан всегда находил способ наказать. Широ старался не смотреть по сторонам. Лицо и руки саднили — после того как на него рухнула дверь, царапин хватало. Он потратил все пластыри. Асами окликнула его, но он попытался пройти мимо. Она мягко взяла его за локоть.

— Широ, ты весь раненый. Давай обработаю.

Он неловко кивнул. Асами усадила его на подоконник и принялась промывать ссадины. Широ не сопротивлялся. Лев увидел это и скривился: «Сидит, как мокрая курица. И она с ним возится... Тоже мне, героиня. Он же даже слова сказать не может, только шмыгает носом». Лев развернулся и пошёл прочь, но осадок остался: ему было неловко за Асами. «Почему она не видит, что он просто жалкий слабак?»

— Спасибо, — тихо сказал Широ, когда она закончила, и быстро ушёл, чтобы она не увидела слёз.

Широ спустился на первый этаж. Вестибюль был пуст.

Сентябрь выдался тёплым, большинство студентов приходили в лёгких куртках и забирали их с собой, не сдавая в гардероб. Гардероб находился чуть левее входа в университет. За стойкой с вешалками сидел студент на стуле. Он был второкурсником — судя по уверенной, чуть ленивой позе и отсутствию испуганного блеска в глазах, который бывает у первокурсников. Тёмно-серые кучерявые волосы, закрывающие брови и уши, торчали в разные стороны, на правой щеке выделялся небольшой шрам — давний, заживший. В правом ухе красовалась маленькая чёрная серёжка-гвоздик, а в носу — тонкое колечко. Чёрная толстовка, потёртые джинсы, чёрные кроссовки. Он сидел, откинувшись на спинку стула, свесив голову на грудь, и, кажется, дремал. Почему вместо гардеробщицы здесь сидел студент — неясно. Может, отрабатывал долги, подрабатывал волонтером или просто заменял кого-то. Кто знает.

Широ замер в нескольких метрах от стойки. Его трясло. Не от холода — от страха. Он должен был забрать пакеты. Сказать, что они принадлежат его другу. Соврать. Украсть чужое. Потому что Ролан так сказал. А если Широ не подчинится — Ролан придумает что-то похуже. Студент за стойкой спал, мерно посапывая. Широ стоял, мялся, перебирал пальцами край олимпийки. В голове шумело. «Скажи. Забери. Скажи. Забери». Но ноги не слушались. Потом он вспомнил Ролана. Вспомнил его наглую ухмылку, холодные глаза и голос: «Не сделаешь — пожалеешь». И страх ударил новой

волной, подстегнул, как допинг. Широ шагнул вперёд.

— Извините... — сказал он тихо, почти шёпотом.

Студент не шелохнулся. Широ сделал ещё шаг. Кашлянул.

— Извините! — повторил он громче, отчётливее.

Парень вздрогнул, медленно поднял голову. Сначала открыл один глаз — мутный, сонный. Потом второй. Посмотрел на Широ так, будто тот пришёл в самый неподходящий момент. Под глазами у него красовались мешки — побольше, чем у Широ, тёмные, будто он не спал несколько суток. Увидев мешки под глазами Широ, студент смягчился. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на немое сочувствие, но сонная злость не прошла полностью.

— Чего тебе? — спросил он хрипло, потирая лицо ладонью.

Широ сглотнул. Внутри всё дрожало, но он уже взял разгон.

— Ну... В общем... — Он запнулся, потом выпалил, стараясь говорить уверенно: — Тут мой друг оставил у вас пакеты. Пара уже началась, а они ему срочно понадобились. И он попросил меня их забрать.

Студент уставился на него непонимающим взглядом.

— Пакеты? — он сонно почесал затылок. — Какие пакеты?

Широ почесал подбородок от неловкости. Ему было страшно, что его обман раскроют, но страх перед Роланом перевешивал. Он вдруг заговорил громче, увереннее — так,

как никогда не говорил:

— Ну, чёрные такие. Два. Тяжёлые.

Парень на секунду замер, потом его лицо прояснилось.

— А-а-а, пакеты, — протянул он. — Ну, да, есть такие. Вот они.

Он потянулся под стойку и вытащил два чёрных пакета — те самые, с шоколадом. Широ посмотрел на них — и в последний момент, когда уже протянул руку, у него что-то щёлкнуло в голове. Светлая мысль. Робкая, неуверенная, но светлая. Он отдёрнул руку.

— Хотя нет, — сказал он. — Пусть сам придёт.

Студент посмотрел на него с недоумением и пожал плечами.

— Отлично, — сказал он. — Тогда пока. — Он уже отодвигал пакеты обратно, радуясь, что можно продолжить спать.

— Хотя нет, — снова передумал Широ — Давайте я отнесу.

Парень снова замер. На его лице отразилась смесь раздражения и усталости. Он резко схватил пакеты и сунул их в руки Широ.

— Забирай, — буркнул он. — Достал уже.

Пакеты оказались тяжёлыми — Широ едва удержал их. Он постоял секунду, чувствуя тяжесть, слыша, как внутри позвякивает шоколад. Потом, словно очнувшись, поставил их обратно на стойку.

— Ой, я... я пойду, пожалуй, — пробормотал он, развернулся и быстро зашагал прочь, оставив пакеты на стойке.

Студент проводил его взглядом, покачал головой, почесал затылок и тихо, но так, что Широ услышал:

— Что за идиоты эти первокурсники...

Парень плюхнулся на стул и снова закрыл глаза. Широ выбежал из вестибюля и остановился у выхода, тяжело дыша. Сердце колотилось в горле. Пакеты он не взял — они остались лежать на стойке. Широ постоял минуту, потом медленно побрёл вверх, на следующую пару. В голове крутились обрывки мыслей. «Я смог. Я дал отпор... Хотя кому? Не Ролану же...» Он вспомнил наглую ухмылку Ролана — и содрогнулся. «Он не прав... Ролан не прав... А что мой одноклассник теперь подумает? Тот, с тёмными волосами и чёлкой-шторкой. Он теперь меня ненавидит... Что делать? Всё испорчено... С первого же дня...»

Глава 7. Примирение

3 сентября 2018 года, понедельник. Университет.

Фредерик и Альфред поднимались по лестнице на пару по английскому. Альфред шёл чуть впереди.

— Слушай, — спросил Фредерик, вспомнив кучерявого парня, который сидел рядом с Альфредом на лекции. — А кто тот кучерявый, который с тобой сидел? Ну, который всё время ёрзал и в телефон пялился.

Альфред чуть замедлил шаг и слегка улыбнулся.

— Это Хитч. Мой друг... с детства, можно сказать.

— Можно сказать? — переспросил Фредерик.

— Ну, мы правда дружим с детства. Вместе в школу ходили, в одном дворе росли. — Альфред помолчал, потом добавил тише, словно размышляя вслух: — Но в последнее время... он стал меня отвлекать. В школе начал постоянно звать гулять, когда надо было готовиться к экзаменам. Я, конечно, любил его, но... иногда хотелось побыть одному.

Фредерик кивнул. Ему это было понятно.

— А потом Хитч зачем-то пошёл за мной в этот же вуз, ещё и на математическое направление, — продолжил Альфред. — Но у него спортивная квота. Он мог пойти в любой другой вуз, но выбрал этот. Я сначала даже обрадовался, думал, будем вместе. А потом понял, что Хитч опять будет тянуть меня не туда. Не специально, конечно... Просто он

такой... Энергичный. Тяжело бывает с ним.

— И ты поэтому решил познакомиться со мной? — спросил вдруг Фредерик.

Альфред обернулся, глянул на него внимательно.

— Ты другой, — сказал он просто. — Спокойный. С тобой даже и помолчать приятно. А с Хитчем это невозможно.

Фредерику стало немного неловко, но вместе с тем приятно. Он не привык, чтобы его считали «другим» в хорошем смысле. В этот момент из-за угла выскочил Хитч.

— Альфи! — заорал он на весь коридор.

Фредерик не успел моргнуть: Хитч уже был рядом. Он схватил Альфреда за толстовку — за грудки, одной рукой, словно боялся отпустить.

— Ну, ты чего? — выпалил Хитч, дёргая ткань на себя. — Я так хотел с тобой пообедать, а ты меня не ждал!

Фредерику это не понравилось. Он не выносил, когда кто-то хватает другого за одежду, тем более с такой силой. Поэтому он шагнул вперёд и спокойно, но твёрдо взял Хитча за запястье.

— Отпусти, — сказал Фредерик.

Хитч повернул голову. В его глазах мелькнула ревность — острая, моментальная.

— А, ты новый друг Альфреда, — протянул он, сверля Фредерика взглядом. — Ну, всё ясно, чё.

Хитч не отпустил толстовку, только крепче сжал пальцы.

— Слушай, — он чуть округлил глаза, и в них вспыхнула

ярость. — Я его с детства знаю, понял? Ты у меня его отнять хочешь?

— Что? — удивлённо моргнул Фредерик.

Альфред, который всё это время стоял с почти невозмутимым видом, мягко, положил руку на плечо Хитча.

— Вы что, не ссорьтесь, — сказал он. — Всё нормально. Хитч дёрнулся и убрал руку.

— Хитч, — сказал Альфред, повернувшись к другу и заглядывая в глаза. — Ты мой друг, всё хорошо. Приди в себя. Он перевёл взгляд на Фредерика.

— А это Фредерик. Вам бы поладить. Он классный. Я тебя не забыл, — продолжал Альфред. — Я видел, как ты сам заобщался с Реном и Евой. О чём говорили?

Хитч опустил взгляд, щуя глаза, и сунул руки в карманы.

— О волейболе, конечно, — буркнул он. — Мы все вместе хотим в сборную универа попасть и играть за наших.

— Вот видишь, — Альфред чуть улыбнулся. — Обзаводишься новыми друзьями. Это круто! Ничего, все вместе подожмемся.

Он хлопнул Хитча по плечу и сказал:

— Ладно, пора на пару. Идёшь?

Хитч кивнул, но не сдвинулся с места. Он стоял, глядя в пол, пока Альфред и Фредерик не поднялись на несколько ступеней. Фредерик оглянулся. Хитч всё ещё топтался на месте, потирая запястье. «Бешеный малый», — подумал Фредерик, но без злобы. Он уже знал, что ему с этим человеком

придётся так или иначе общаться. Альфред был их общим другом. А значит, они должны будут найти общий язык.

— Не переживай, — тихо сказал Альфред. — Он отходчивый. Завтра уже будет предлагать тебе вместе в волейбол играть.

— Посмотрим, — ответил Фредерик.

Широ стоял в коридоре, вжавшись в стену. Он убрал испачканный шарф в рюкзак — без него он чувствовал себя голым. В голове возник Ролан, его голос: «Сделай. Укради пакеты». Широ больше не мог выносить это. Он прокручивал все унижения, которые терпел, и вдруг осознал: его терпение не бесконечно. Он зашёл в туалет, закрыл лицо руками. По щекам полились слёзы, чёлка упала в сторону — шрам оголился. «Пора что-то делать», — подумал он.

Лев чувствовал себя неловко: «Я мужчина, пластыри — для детей». Он зашёл в туалет, снял их и выбросил. Лицо стало чистым. И тут он услышал всхлипы из кабинки. Лев подошёл к кабинке.

— Кто там? Помощь нужна? — спросил он.

Внутри затихло. Потом дверь осторожно приоткрылась.

— Что? — спросил он. — Опять ты?

— Прости меня, пожалуйста! — выпалил Широ, перебивая его. Голос дрожал, срывался. — Прости!

— Что? — повторил Лев, скрестив руки на груди.

Широ вышел из кабинки и вдруг рухнул на колени прямо на пол. Он опустил голову, и говорил быстро, сбивчиво, за-

хлёбываясь словами:

— Я хочу принести свои искренние извинения! Я совсем не тот, кем мог тебе показаться! Но если ты считаешь меня каким-то уродом... ты можешь меня избить. Пожалуйста, только прости... Я не хотел... Это...

— Ты больной? — перебил Лев. — Я не собираюсь тебя бить.

Широ сидел на коленях, виновато смотря в пол.

— Позволь, я расскажу всё. Я виноват в том, что сделал, но...

Лев прищурился. В его глазах уже не было прежнего отворачивания. Он вспомнил слова Антона: «Тот челкастый ни в чём не виноват, он подставной». В душе шевельнулась жалость.

— Тебя кто-то заставил? — спросил он тихо.

Широ поднял голову. Он кивнул и начал говорить.

— Это Ролан, — выдохнул Широ. — Мы с ним из одной школы. Он меня... он меня всё время заставляет делать то, что ему нужно. Говорит, что если я не сделаю — всем расскажет, что я списал на вступительных экзаменах... Но я не списывал! Я сам готовился. Это он ... он купил ответы в интернете и списал. А угрожает, что расскажет про меня. И все поверят... потому что он громкий, а я... я никто. — Широ всхлипнул. — А ещё... ещё он покажет всем моё лицо...

— А что с лицом? — спросил Лев, приседая на корточки, чтобы лучше слышать. Широ говорил тихо, почти шёпотом.

Широ помедлил. Потом откинул чёлку, открывая правую щеку, и отодвинул воротник, показывая шею. Лев увидел шрамы. Большие, неровные. Они занимали почти треть щеки и спускались на шею. Уже было ясно, что это был не случайный ожог — это было сделано намеренно, жестоко.

— Это всё он, — прошептал Широ. — Ролан. Кипятком. В подсобке. Двое его приятелей держали, а он вылил мне в лицо... Я лежал в больнице три недели. Целых три недели!

Голос Широ сорвался, и он снова заплакал. Лев смотрел на шрамы и не мог отвести взгляд. Внутри у него закипело — не страх, не отвращение, а холодная, ровная ярость. Человек, который обливает других кипятком, не имеет права учиться в одном вузе с нормальными людьми. Такой человек — монстр. Он выдохнул, заставив себя успокоиться.

— Слушай, — сказал он, — Встань для начала. А то если кто-то зайдёт, будет казаться, что это я тебя тут мучаю.

Широ поднялся, опираясь на ногу, второе колено всё ещё касалось пола. Он посмотрел на Льва снизу вверх, со слезами, и спросил:

— Ты меня прощаешь? Если да, то я встану...

— Да встань ты уже, — Лев протянул руку, помогая ему подняться. — Слушай... Ты ведь не покупал экзамен, так?

Широ вытер глаза рукавом.

— Конечно нет. Это Ролан купил. Но он хочет всем рассказывать, как будто это я. Ещё и хочет, чтобы все видели моё лицо...

— У тебя нормальное лицо, — сказал Лев. И добавил твёрже: — Тебе нужно меньше обращать внимание на других.

Широ замер. Впервые он услышал не «урод» и не «страшила», а «нормальное лицо». Он вдруг понял: Ролан ездил на нём из-за его страхов. Ведь шантажировать можно чем угодно, даже ложью.

— Я тебя прощу, — сказал Лев. — Но... больше его не слушай. А если будет сильно доставать — тогда включай диктофон. Запишешь угрозы — и сразу к декану. Или в полицию. Доказательств у него нет, кроме его собственного языка. А у тебя они будут.

Широ вытер слёзы, шмыгнул носом.

— Ты правда думаешь, что это сработает?

— А ты пробовал?

— Нет...

— Тогда попробуй. Хуже, чем сейчас, уже не будет.

Широ кивнул. Впервые за долгое время он почувствовал что-то похожее на надежду. Он осторожно, всё ещё боясь смотреть прямо в глаза, спросил:

— А ты... как тебя зовут?

— Лев, — ответил тот просто.

— А я... Широ.

Лев кивнул, словно принимая это к сведению.

— Ясно. Пойдём на пару. И не садись с ним больше.

Он развернулся и направился к выходу, не оглядываясь.

Широ торопливо зашагал следом, на ходу поправляя чёлку и воротник.

Глава 8. Приглашение

3 сентября 2018 года, понедельник. Университет.

Фредерик и Альфред зашли в аудиторию. Преподавателя всё ещё не было. Здесь было три длинных ряда сдвинутых столов. На первом ряду у окна сидели Дария и Матвей. Она смотрела в телефон, а он читал книгу и, казалось, не замечал никого вокруг. На втором ряду — Асами слушала Софи. Недалеко от них сидела Люси с конспектом, а через пару стульев от неё Рен смотрел в окно. Альфред оглядел аудиторию.

— Странно, что пары ещё нет, — сказал он удивлённо. — Мне говорили, что *миссис Бродди* обычно не опаздывает.

Он повернулся к Фредерику и добавил:

— Давай сядем за первый ряд, перед Реном. Там свободно.

И, улыбнувшись, добавил по-английски, с лёгким акцентом:

— Sit down, please.

Фредерик слегка улыбнулся и опустился на стул у выхода. Альфред сел рядом. Следом за ними в аудиторию влетела Ева. Рен оживился, помахал рукой и приветливо крикнул:

— Евочка, садись со мной! Тут место для тебя и Хитча!

Фредерик обернулся и подумал: «Ещё один громкий...». На последнем ряду, откинувшись на спинку стула, сидел Ролан. Он играл в телефоне, не обращая внимания на окружа-

ющих. Его веснушчатое лицо было расслаблено, но в глазах затаилась привычная наглая усмешка.

— Эй, староста, — лениво бросил он, не поднимая головы. — Чё там с парой? Узнай.

Альфред раздражённо взял телефон, но, прежде чем набрать номер, холодно ответил:

— Я узнаю. Но не для тебя лично, а для всех. Что за «эй, староста»? У меня вообще-то есть имя.

Ролан пожал плечами и уткнулся в экран. Альфред позвонил в деканат. Поговорил недолго, завершил звонок и повернулся к аудитории:

— В общем, пары у нас не будет. Окно. Миссис Броуди ушла в декрет, у нас позже будет новый преподаватель.

— Типичная англичанка... — тихо усмехнулся Фредерик.

Ролан встал, потянулся и, проходя мимо Альфреда, остановился.

— Короче, я пошёл... Слышь, староста...

— «Слышь»? Чего?! — Альфред дёрнул плечом.

Фредерик, до этого молчавший, добавил с металлом в голосе:

— Ты как разговариваешь?!

Рен тоже недовольно нахмурил брови, но ничего не сказал. Ролан улыбнулся своей наглой улыбкой и произнёс, глядя на Альфреда:

— Не отмечай меня. Я типа был, если чё. Ок?

Альфред вытянулся вперёд, поставив руку на стол, и сказал уверенным, серьёзным голосом:

— Я отмечу, что тебя не было. Не надо мне задания давать.

Ролан недовольно прищурился. Он любил нападать на слабых, но видел, что Альфред и остальные в группе не такие. Максимум, что он мог себе позволить, — разговаривать нагло, и то в меру.

— Да блин, тебе чё, жалко, что ли? — протянул он. — Ну, не будь ты крысой.

Фредерик не выдержал, нахмурил брови и сказал жёстко: — Крыса здесь только ты. И не надо оскорблять нормальных людей, ясно тебе?!

Ролан уловил: с Фредериком связываться не стоит. Он чуял не только слабых — сильных тоже. Он, дёрнув плечом, недовольно хмыкнул:

— Ты-то куда лезешь? Не с тобой говорю.

— Вали уже! — отрезал Фредерик. — Если так хотел!

Ролан открыл было рот, но в этот момент боковым зрением увидел в дверях Широ. Его лицо мгновенно преобразилось.

— Опа, Широ! — воскликнул он и, ухмыльнувшись Фредерику, добавил: — Ладно, потом договорим.

И вышел в коридор.

Альфред спросил спокойным риторическим голосом:

— Мне одному кажется, что этот человек явно здесь лиш-

ний?

Фредерик ответил уверенно:

— Сто процентов.

Ролан, уже стоя в дверях, обернулся, показал средний палец и бросил в сторону аудитории:

— Ага. Пока всем.

Но никто с ним не попрощался.

Выйдя в коридор, Ролан подошёл к Широ, который хотел зайти в аудиторию. Засунув одну руку в карман, Ролан встал напротив, преграждая путь.

— Широ, где пакеты? Ты что, забыл их?

Широ, собрав всю свою волю в кулак, ответил максимально спокойно, как только мог:

— Нет.

Ролан улыбнулся с закрытыми глазами, прислонив свободную руку к стене, будто загораживая проход.

— Не понял что-то... Ты что, урод... — он открыл глаза, усмехнулся. — Охренел?

Уверенность Широ начала пропадать. Но тут его взгляд упал в коридор, где не спеша, с телефоном в руке, шёл Лев. Со стороны казалось, что он просто углублён в мысли. На самом деле Лев снимал видео — тихо, незаметно, направляя камеру в их сторону. Лев обещал помочь Широ избавиться от Ролана, и одержал слово. Заодно дал Широ почувствовать опору за спиной. Задача Широ — вести себя максимально уверенно. А если что-то пойдёт не так — Лев вмешается.

Увидев Льва, Широ сразу почувствовал, что он не один, и вдруг поднёс правую руку к руке Ролана, упиравшейся в стену, и слегка. Широ спросил тихо, глядя прямо в глаза Ролану:

— Что тебе от меня нужно?

Широ знал: Лев фиксирует это как доказательство на камеру. Ролан ухмыльнулся. Ему стало весело от того, что Широ вдруг «осмелел».

— Как что? — ответил он. — Принесёшь мне те пакеты, а я так и быть никому не расскажу, что ты списал экзамен.

Широ убрал руку и отошёл на шаг. Ролан продолжил:

— Ну, или наоборот, расскажу. А заодно расскажу и то, что ты ходишь со своей стрёмной чёлкой, потому что боишься показать свою ущербность.

Широ вдруг заговорил громче, глядя на Ролана с презрением, которого раньше никогда не было:

— То есть ты хочешь меня оклеветать и оскорбить?

Лицо Ролана исказилось — Широ вёл себя неестественно уверенно. Широ продолжил, чувствуя за спиной невидимую опору:

— Ты... ты думаешь, почему на экзамене были камеры? Там прекрасно видно, что я всё писал сам. — Он прищурился. — А что насчёт... тебя?

Ролан начал выходить из себя.

— Ты чё несёшь? — заорал он. — Тебе втащить?

Широ снова испугался, но в этот момент к ним уже подо-

шёл Лев. Он поднял глаза на Широ — это был знак: запись закончена. Ролан резко развернулся, сунул руки в карманы и буркнул «Ладно, потом разберёмся. Кстати, пары не будет», быстро зашагал прочь. Когда Ролан скрылся за поворотом, Лев убрал телефон.

— Я всё записал, — спокойно сказал Лев. — Когда будет повод, я помогу разобраться. А ты, как только видишь, что он приближается, включай диктофон и записывай все диалоги. И старайся не общаться с ним. — Он посмотрел на Широ внимательно. — Ты держался очень уверенно для того, кто прошёл через многие неприятности. Так держать.

Широ смущённо опустил глаза и прошептал:

— Спасибо...

Они направились в сторону аудитории. Матвей, который до этого молча сидел и читал книгу, поднял голову и вышел к доске. Он оглядел одноклассников и заговорил — спокойно, но чтобы все слышали:

— Минуту внимания. 23 сентября у меня день рождения. Хочу пригласить вас всех, — он помолчал и добавил жёстче. — Кроме рыжего.

— Почему? — спросила Ева.

— Потому что он оскорбляет нормальных людей.

Он кивнул в сторону Альфреда и Фредерика. Дария улыбнулась:

— Мэтт, ты принципиальный.

— Я просто не хочу, чтобы у меня на празднике был тот,

кто портит настроение.

— А я не испорчу? — спросила Дария.

Матвей посмотрел на неё и сказал тихо:

— Нет. Ты носишь чёрное. Это значит, что у тебя есть вкус.

— Это комплимент? — рассмеялась Дария.

Он не ответил, но Дария заметила, что он чуть улыбнулся. Все удивились — Матвей не производил впечатления человека, который будет звать кого-то на праздник. Но приглашение приняли. Лев, стоявший в дверях с Широ, услышал дополнение про Ролана и слегка усмехнулся.

— Вот она, карма, — сказал он тихо.

Широ был рад, что его одноклассники недолюбливают Ролана. Искренне рад, что Лев никому не рассказал о его глупом поступке и, несмотря ни на что, встал на его сторону. «Может, здесь всё будет иначе», — подумал Широ и впервые за долгое время поверил в это.

Лев машинально посмотрел на Люси — она смеялась о чём-то с Софи. Взгляд скользнул дальше и остановился на Асами, которая уже записывала в блокнот: *«Матвей — человек-книга. Сегодня пригласил всех на день рождения. Интересно, будет ли там торт? Или он принесёт книгу вместо торта?»*. Дария подошла ближе и спросила тихо:

— Что ты пишешь?

— Я записываю в блокнот, что Матвей — человек-книга. Это комплимент, — сказала Асами с улыбкой.

— Он оценит. Если вообще поймёт, — сказала Дария с усмешкой и ушла обратно к Матвею.

Асами подняла глаза, встретившись взглядом со Львом. Он вспомнил, что разбил её очки. Внутри шевельнулось чувство вины, смешанное с чем-то ещё. Лев подумал: «Надо бы... купить ей очки».

Антон стоял чуть поодаль и не знал, приглашён ли он, потому что почти ни с кем не знаком. Матвей, заметив его, подошёл сам.

— Ты тоже приходи. Если хочешь.

— Я? — спросил Антон удивлённо. — Но я...

— Ты в группе, — сказал Матвей. — Значит, приходишь.

— Спасибо, — тихо сказал Антон.

Матвей кивнул и отошёл к столу. Антон смотрел ему вслед и думал: «Он заметил меня...» Все поняли, что у них появилось «окно», поэтому стали расходиться из аудитории. Асами, увидев Льва, удивилась.

— Лев, всё в порядке? — спросила она.

— Да, — коротко ответил он.

— Широ тоже выглядит... спокойнее. Это из-за тебя?

Лев пожал плечами, но Асами, не дожидаясь ответа, положила руку ему на локоть и тихо сказала:

— Спасибо, что не дал его в обиду. Он хороший. Просто... ему нужно время.

Лев ощутил, что её прикосновение не было навязчивым, как у других, кто пытался лезть в душу. Оно было лёгким,

почти невесомым, но в нём чувствовалась искренняя забота.

— Он твой друг? — спросил Лев, скорее чтобы что-то сказать.

— Мой одноклассник, — поправила Асами. — Но я хочу, чтобы он стал другом. Всем нужен кто-то, кто о них позаботится.

— Даже тем, кто этого не просит? — усмехнулся Лев.

— Особенно тем, — ответила она и убрала руку.

Лев посмотрел на неё и почему-то улыбнулся.

— Кстати, Лев, ты пойдёшь с нами? — спросила Асами.

— Я имею в виду, на день рождения Матвея?

— Я не из тех, кто ходит по вечеринкам, — ответил он.

— Я тоже, — улыбнулась Асами. — Иногда стоит попробовать. Там будет Широ, и он точно струсит без поддержки.

— Может быть. Посмотрим, — хмыкнул Лев.

Когда все разошлись из аудитории, Матвей остался, подошёл к окну и посмотрел в него. Дария подошла к нему и спросила:

— Мэтт, ты кого-то ждёшь?

— Нет. Просто смотрю, — ответил Матвей.

— На что? — спросила Дария.

— На людей. Интересно, кто из них окажется настоящим, — задумчиво сказал он.

— А ты настоящий? — спросила она, глядя на его спину.

Матвей не ответил, но перевёл на неё свой взгляд и посмотрел дольше обычного. Дария прервала тишину:

— Мэтт, ты уверен, что хочешь всех приглашать?

— Да. Кроме рыжего, — ответил Матвей твёрдо. — Я знаю, что такое быть оскорблённым. И я не хочу, чтобы у меня на празднике был тот, кто делает другим больно.

— Ты поэтому носишь повязку? — спросила она с пониманием.

Матвей резко повернулся. Его лицо стало каменным.

— Не спрашивай об этом.

— Я не буду, если ты не хочешь, — ответила она, не отступая. — Но я здесь, если ты когда-нибудь захочешь рассказать.

Матвей долго смотрел на неё, а потом отвернулся.

— Я не захочу, — сказал он после долгой паузы.

— Я подожду.

— Ты будешь ждать долго.

— Я умею ждать.

Асами стояла в коридоре и снова записывала что-то в свой «странный блокнот». Фредерик оказался рядом. Она подняла голову:

— О, Фредерик! Ты сегодня хорошо отвечал, я это записала.

— Зачем? — спросил он с удивлением.

— Чтобы понять. У тебя логика стройная. А я люблю стройную логику, — ответила Асами с улыбкой.

— Правда? Это немного странно... — сказал Фредерик смущённо.

— Знаю. Но мне нравится.

Глава 9. Лекция по физкультуре

3 сентября 2018 года, понедельник. Университет.

После «окна» группа направилась на физкультуру. Лев шёл, думая, что придёт последним, — как вдруг услышал голос Асами:

— Широ, подожди, у тебя шнурок развязался.

Лев обернулся. Асами присела на корточки перед Широ — прямо посреди коридора — и завязала ему шнурок. Он стоял как вкопанный.

— Спасибо..., — пробормотал Широ.

— Не за что, — улыбнулась Асами и встала. — Осторожнее.

Лев сжал челюсть. «Она что, его мама? — подумал он. — Он не может человек шнурки завязать? Ему же восемнадцать!» Лев отвернулся, чувствуя глухое раздражение. «И ещё говорит, что он хороший. Он же просто размазня, который и шагу не может ступить без няньки».

Вся группа собралась в спортзале. В расписании значилась «лекция». Лишь Хитч и Ева пришли в форме. Рен — в штанах, футболке и кроссовках, но поверх — бомбер. Широ тоже в олимпийке, но его вид выдавал: он не спортсмен. Остальные — в повседневном.

Вышел тренер *Олег Лихман* — крепкий мужчина лет сорока пяти, с растрёпанными серыми волосами и чёлкой,

закрывающей глаза, из-под которой он видел каждого насквозь. Спортивные штаны, футболка, рельефные мышцы, на шее свисток. Загадочный, как он сам говорил. Он вышел к строю, остановился, обвёл группу изучающим взглядом. Заговорил — громко, с хрипотцой, привыкший, чтобы его слушали.

— Так, господа математики. Первое занятие. Так исторически сложилось, что первая пара в семестре — всегда лекция.

По рядам прошёл лёгкий шум. Кто-то выдохнул с облегчением — значит, бегать не придётся. Кто-то, наоборот, огорчился.

— Только не радуйтесь раньше времени, — Олег усмехнулся. — Лекция — это не освобождение. Это информация, без которой вы потом будете путаться, где чей свисток.

Тренер сделал шаг вперёд, скрестив руки на груди.

— Во-первых, расписание. Со следующего занятия мы будем заниматься на стадионе «Ястреб». Это в пятнадцати минутах ходьбы от университета. Кто не знает, где он, спросите у старшекурсников или найдите в навигаторе. Не заблудитесь, я проверять не буду.

— Как мы узнаем, идти в зал или на стадион? — спросил кто-то.

— По погоде, — ответил Олег. — Сентябрь, по прогнозам, обещают тёплым. Пока солнце — работаем на улице. Если в какой-то день пойдёт дождь — приходите сюда, в зал.

Я не садист, мокнуть под дождём не заставляю.

— А во сколько начинать? — спросил Хитч.

— В обычное время. Наша пара начинается, допустим, в 10:30. Но я даю вам фору. Вы приходите к началу пары в спортзал, переодеваетесь здесь, а потом идёте на стадион. На дорогу — пятнадцать минут. Значит, в 10:55 вы уже должны быть на стадионе. Плюс перерыв десять минут после пары. У вас есть двадцать пять минут, чтобы переодеться и дойти.

— А если опоздаем?

— Опоздаете — будете отжиматься. Я не злой, но дисциплину люблю. И ещё: форма. Со следующего занятия все приходят в спортивной форме. Не обязательно в новой. Главное, чтобы было удобно и не стесняло движений. Переодеваетесь в раздевалках, здесь или на стадионе — там тоже есть. Но лучше здесь, чтобы не таскать вещи с собой.

— А теперь — лекция. Садитесь на лавку. Я расскажу вам про технику безопасности, про нормативы и про то, почему волейбольный мяч нельзя пинать ногами. Он говорил ещё минут двадцать. Про пульс, про разминку, про то, что физкультура — это не наказание, а «любовь к себе, выраженная в движении». Хитч не выдержал и перебил:

— А когда мячи дадут?

— Когда научусь вам доверять, — ответил Олег, и в его голосе прозвучала такая ледяная уверенность, что Хитч больше не перебивал.

Студенты сидели на скамье, Олег ходил вдоль них и рас-

сказывал про технику безопасности, пользу разминки, как правильно дышать во время бега. Студенты слушали кто внимательно, кто с кислыми минами. Рен, Хитч и Ева, сидящие на одной скамье, словно сговорились, сложив руки у рта, улыбались с сияющими глазами и одновременно говорили:

— Да! Мы любим спорт!

Альфред и Фредерик переглянулись и скептически посмотрели на эту троицу. Эти трое явно выделялись среди всей группы.

Олег остановился, оглядел аудиторию и громко спросил:

— Кто тут староста?

Хитч, сидящий рядом с Альфредом, тут же указал на него:

— Вот он! Справа от меня, Альфред Фатихоглу. Наш староста!

Олег подошёл к Альфреду. Тот уже открыл было рот, чтобы представиться, но Олег поднёс свисток рядом с ухом Альфреда и резко свистнул. Резкий, пронзительный звук прорезал тишину спортзала. Альфред чуть не подскочил на месте, зажал ухо ладонью и вытаращил глаза от удивления.

— Староста! — рявкнул Олег. — Что скучаешь?

— Я не скучаю, — ответил Альфред, осторожно отнимая руку от уха. В ухе стреляло, но он старался не подавать виду. — Я вас слушаю.

Олег хмыкнул, достал из кармана листок бумаги и ручку, протянул Альфреду.

— Проведи голосование по выбору основного вида спор-

та. Какой выберете, в тот и будем играть весь семестр.

Альфред взял листок. Там было три колонки: футбол, волейбол, баскетбол. Фредерик, сидящий рядом, случайно заглянул в листок и тихо, почти беззвучно, чтобы никто не услышал, произнёс:

— Только бы не баскетбол...

Альфред покосился на него. Фредерик сидел, сжав пальцами переносицу, закрыл глаза и нервно тряс правой ногой. Он искренне боялся, что кто-то попадёт ему мячом прямо в нос — и тогда польётся кровь. Зелёная. Нечеловеческая. Баскетбол казался ему самым опасным: мяч летит жёстко, может попасть прямо в лицо.

— Фредерик, ты что-то сказал? — тихо спросил Альфред. Он прекрасно всё слышал, но хотел убедиться.

Фредерик едва шевельнул губами, не открывая глаз:

— Только бы не баскет...

Альфред хмыкнул. Он тоже не любил баскетбол — но по другой причине. Ему просто не нравилось, как в этой игре всё построено на толкании и постоянном беге. А футбол... футбол он считал тупым — бесконечная беготня за одним мячом, а результат неизвестен.

— Мне тоже не нравится, — сказал он тихо, чтобы поддержать Фредерика. — А футбол тупой.

И, недолго думая, Альфред поставил плюс напротив волейбола. Заодно и Хитчу приятно, и Фредерику спокойнее. Листок пошёл по рядам. Студенты ставили свои отметки.

Когда он вернулся к Олегу, тот попросил пересчитать голоса. Альфред встал, взял листок и объявил:

— За футбол проголосовали: Антон, Широ и Лев. За баскетбол — Матвей. За волейбол — все остальные.

После голосования Хитч подошёл к Антону и сказал:

— Ты голосовал за футбол? Круто! Я тоже люблю футбол. Но больше всего, конечно, волейбол!

— Я просто... не очень умею в волейбол, — признался Антон.

— Да ладно! — воскликнул Хитч. — Научишься! Мы все тут учимся. Ты, кстати, с кем-то из наших уже общался?

— Со Львом... И с Асами.

— О, Лев — молчун, но нормальный, а Асами — вообще душка. Ты с нами в столовку пойдёшь потом?

— Я... да, наверное.

Хитч хлопнул его по плечу и сказал:

— Отлично! Тогда после пары узнаем, где лучшие пирожки.

Студенты стояли в шеренге. Рен довольно улыбнулся и повернулся к Хитчу:

— Ну, что, все выбрали волейбол. Теперь я тебя сделаю!

Хитч показал ему кулак:

— Ага, щас, это я тебя сделаю!

Рен схватил его за запястье, не давая замахнуться, и сказал примирительно:

— Успокойся, будем вместе играть.

В этот момент голос Олега прогремел над залом:

— Выйти из шеренги!

Рен замер:

— Мне?

— Нет, — Олег перевёл взгляд на Хитча. — Коротышке.

Хитч недовольно буркнул в сторону Рена:

— Доволен?

— Прости, — тихо сказал Рен. — Это ведь я разговаривал. Давай я выйду вместо тебя?

Хитч сверкнул глазами и, глядя снизу вверх на Рена, процедил:

— Не надо в благородство играть.

И, гордо выпрямившись, вышел в центр зала.

Олег подождал секунду, потом добавил:

— Ещё один человек. Шаг вперёд.

К Хитчу, скрестив руки на груди, довольно улыбаясь, вышла Ева. Хитч недоуменно посмотрел на неё и подумал: «Она тоже с кем-то спорила? И чего тогда улыбается?»

Олег указал на них обоих:

— Вот пример людей, готовых к занятию, хотя это была лекция. — Он оглядел остальных. — Запоминайте: следующее занятие — на стадионе «Ястреб». Приходите в форме. Если дождь — занятие в зале. К следующей паре приготовьте пять тысяч на форму.

Далее Олег рассказывал про технику безопасности и постоянно свистел в свисток. Асами сидела на скамейке с блок-

нотом и записывала.

— Я назвала тренера Олега «Свистун», — сказала шёпотом Асами, обращаясь к Софи. — У него свисток как второй голос. Интересно, он им даже говорит, когда молчит?

— Ты ненормальная, — приснула Софи.

— Я просто записываю наблюдения, — сказала Асами тихо.

Спустя некоторое время Олег объявил:

— На сегодня всё.

Студенты зашевелились, засобирались. Кто-то вздохнул с облегчением, кто-то испуганно зашептался про деньги. Олег, уже отходя, хитро улыбнулся. Оставшись один в зале, он посмотрел в окно и достал телефон, проверил прогноз — всю неделю обещали тепло.

— Хорошо, — сказал он сам себе и улыбнулся. — Побегаем.

Когда Асами поправляла Широ воротник, Фредерик заметил это. Он подошёл к ней, когда все начали уходить и тихо спросил:

— Ты всегда помогаешь всем?

— Ну... когда могу. А что? — удивилась Асами

— Не видел, чтобы кто-то так заботился о незнакомых людях.

— Он не незнакомый. Он одноклассник, — ответила Асами.

Фредерик кивнул и отошёл, но её слова засели в голове.

Когда все выходили из спортзала, Хитч толкнул Рена локтем:

— Слышал? Стадион. Наконец-то нормально побегаем.

— Ты рад? — удивился Рен.

— А ты нет?

— Я просто... не люблю бегать.

— Тогда будешь мячи подавать.

Когда все вышли в коридор, Фредерик раздражённо дёрнул плечом, поправляя лямку рюкзака, и спросил:

— Нет, это вообще адекватно?

— Согласен, — ответил Альфред, шагая рядом. — Но ты ведь сам выбрал волейбол. Жалеешь о своём выборе?

Фредерик покосился на него удивлённо и спросил:

— Ты о чём? — затем после небольшой паузы он добавил.

— Я вообще-то о деньгах, которые зачем-то нужно сдать на форму. Да ещё и столько...

— Да уж, платить пять тысяч... — Альфред покачал головой. — Чем обычные футболка и штаны не угодили?

Они направились к аудитории, где должна была проходить последняя пара — практика по математическому анализу.

— Ну, что, последняя на сегодня, — сказал Альфред, взглянув на часы. — И потом домой.

Фредерик кивнул. Внутри у него снова шевельнулось беспокойство. Они остановились напротив двери. Из-за угла показался Микко Усаги. В руке он держал ключ от аудитории. Фредерик, как только увидел его, машинально поднёс руку

ко лбу, прикрывая глаза ладонью, будто поправлял волосы. Ему почему-то очень не хотелось встречаться взглядом с доцентом. Казалось, что у доцента сегодня плохое настроение. А может, он вообще зол на весь мир. И ещё этот звонок на лекции... Фредерик не знал, что происходит в голове у Микко, но чувствовал — лучше сейчас не попадаться ему на глаза.

Микко прошёл мимо, даже не взглянув на них и открыл дверь, вошёл в аудиторию. Следом потянулись и студенты.

— Ты чего? — спросил Альфред, заметив его странный жест.

— Так... ничего, — ответил Фредерик. — Просто не хочу, чтобы он меня узнал.

— Узнал? — Альфред поднял бровь.

— Долгая история, — Фредерик опустил руку и первым шагнул в аудиторию. — Потом расскажу.

Они сели на средний ряд, не слишком близко к доске, но и не на последний. Фредерик положил тетрадь и ручку, но не открыл их. Смотрел на Микко, который стоял у доски, задумчиво перебирая мел. «Вспомнил он меня или нет? — подумал Фредерик. — И что такого ему сказали по телефону?» Он так и не нашёл ответа. И решил просто тихо сидеть эту пару, не привлекая внимания.

Глава 10. Зелёная ручка

3 сентября 2018 года, понедельник. Университет.

После практики по математическому анализу все потянулись к выходу, чтобы наконец пойти домой. Антон увидел, что Широ стоит у окна, смотря в одну точку, и подошёл к нему.

— Ты чего? — спросил Антон.

— Ничего, — ответил Широ, тяжело вздыхая. — Просто... я опять думаю о том, что я никому не нужен.

— Я тоже так думал раньше, — признался Антон.

— Правда? — удивился Широ.

— Да, — ответил Антон. — Я всегда был тихим. Меня не замечали. Но потом я понял... нужно просто найти тех, кто видит.

— Ты нашёл? — спросил с надеждой Широ.

— Кажется, да, — ответил Антон. — И ты тоже найдёшь. Софи увидела Дарию в коридоре, подошла к ней и сказала.

— Ты какая-то задумчивая.

— Думаю о нём, — сказала Дария.

— О Матвее? — спросила Софи с пониманием.

— Он странный. Он читает книги, как будто спасается от чего-то. И он никому не говорит, почему, — задумчиво ответила Дария.

— Может, у него есть причина, — предположила Софи.

— Я хочу узнать эту причину. Но он не даёт мне приблизиться.

— Ты боишься, что он никогда не откроется?

— Я боюсь, что если он откроется, я не смогу принять его таким, — призналась Дария тихим голосом.

— И что тогда? — спросила Софи.

— Тогда он останется один. А я не хочу, чтобы он был один, — ответила Дария.

— Ты сильная, Дария. Ты справишься, — сказала Софи, обнимая Дарию, и, улыбнувшись, добавила, — Но скажи. Ты что, влюблена?

— Нет. Просто... заинтересована, — ответила она и покраснела

Альфред театрально протянул перед собой руки, воскликнув:

— Ну, почему мы вдруг всю пару рисовали графики? Ведь лекция была вообще о другом!

Фредерик понимал удивление Альфреда: он уже учился у Микко и знал, что тот читает без бумажки одно и то же — скорее всего, из года в год, будто в мозгах записано. Он усмехнулся уголками губ:

— Спокойно, это разовая акция.

— В смысле? — не понял Альфред.

— Чуть позже расскажу. Ладно, давай до завтра.

Фредерик начал быстро направляться в сторону гарде-

роба, но Альфред хотел пойти с ним.

— Постой, — окликнул он. — Ты придёшь завтра?

— Приду, — слегка раздражённо ответил Фредерик. В мыслях промелькнуло: «Чего пристал?!»

— Расписание знаешь? — продолжал Альфред.

— Да...

— Ну, и отлично.

Фредерик развернулся к Альфреду:

— Почему ты не идёшь домой?

— Решил подождать тебя и немного прогуляться, — пожал плечами Альфред. — Кто знает, сколько ещё таких тёплых деньков будет.

— Ещё много, — ответил Фредерик. — Ладно. Постой здесь, пойду и заберу свои пакеты у гардеробщика.

— Окей! — кивнул Альфред и открыл телефон.

Фредерик подошёл к гардеробной стойке. Тот самый второкурсник опять спал. Довольный, расслабленный. Фредерик достал номерок с цифрой «7», покрутил его на пальце и сказал:

— Я пришёл забрать свои пакеты. Выдайте мне их.

Студент слегка пошевелился. Видимо, он не расслышал. Фредерик шагнул ближе. И в этот момент парень слишком резко встал, чтобы выхватить номерок. Когда человек только отошёл ото сна, ему нельзя резко подниматься — закружится голова. Но парень дёрнулся, не рассчитав движения. Его голова ударилась прямо об нос Фредерика. Сам он рухнул

на пол, выронив номерок, и тут же засопел, продолжая спать как ни в чём не бывало. Фредерик стоял напротив, прижимая ладонь к носу, и не понимал, как попал в такую глупую ситуацию. Альфред услышал грохот, поднял голову, округлил глаза и подошёл к Фредерику.

— Что произошло? — спросил Альфред.

Фредерик держался за нос, отвернувшись в сторону:

— Он резко встал со стула, подскочил, выхватил номерок и ударился головой о мой нос. А потом свалился спать... Какой-то бред.

— Нос? — переспросил Альфред. — Всё в порядке? Не сломан?

— Всё нормально, — отмахнулся Фредерик. — Иди домой...

Асами подбежала, на ходу расстёгивая сумку.

— Фредерик, с тобой всё в порядке? — воскликнула она.

— Да, всё хорошо — ответил Фредерик. — Лучше ему помощи.

Он указал на гардеробщика.

— Хорошо! — Асами уже доставала аптечку. — Я ему помогу! У меня с собой всё есть!

Альфред поднял большой палец вверх и с улыбкой сказал:

— Оставляем его на тебя, Асами.

Фредерик усмехнулся:

— У неё вся сумка — это аптечка, что ли?

Он не чувствовал, что кровь из носа проступает через

пальцы. Фредерик думал, что кровь остановится или вообще не потечёт. «Зачем тратить нейтрализатор на такую ерунду?» — подумал он. Ему казалось, что он плотно зажал нос. Затем он убрал руку от лица. Альфред посмотрел на Фредерика и нахмурился — под носом, на подбородке и на пальцах было размазано что-то зелёное, светящееся, будто флуоресцентная краска.

— У тебя что-то на лице, — сказал Альфред с недоумением.

Глаза Фредерика округлились. Он резко развернулся, натянул водолазку на лицо, придерживая рукой, и, не глядя на Альфреда, выпалил:

— Я кое-что вспомнил, мне нужно идти. Всё, пока! Иди домой.

Фредерик побежал в сторону туалета. В голове билась мысль: «Что делать? Он всё видел?!». Водолазка была натянута до глаз, Фредерик придерживал её рукой, боясь опустить — вдруг на лице ещё остались следы? Сердце колотилось.

Альфред смотрел ему вслед, провожая взглядом. В этот момент рядом с ним появился Хитч, держа руки в карманах, на лице — смесь любопытства и ухмылки. Он, довольный, направился в сторону Альфреда.

— Альфи, куда он так бежит? — спросил Хитч, кивая в сторону удаляющейся фигуры.

— Сказал, что домой, — ответил Альфред, не отводя глаз

от конца коридора.

— Ха, — Хитч хмыкнул, — выход в другой стороне, а там туалет.

— И что? — Альфред повернулся к нему. — Значит, он пошёл умыться. У него что-то было на лице.

— А. Ну, да-да, — Хитч пожал плечами. — Ладно, я тогда в столовую, а то после физры есть охота. Альфи, пойдёшь?

— Потом, — ответил Альфред. — Иди.

Хитч хлопнул его по плечу и ушёл, насвистывая что-то бодрое.

Фредерик ворвался в туалет, запыхавшийся. Резко остановился и вдруг, сам того не ожидая, произнёс вслух:

— Эм... а кто это сделал?

Он уставился на дверь от кабинки, которая лежала на полу. Петли были вырваны, рядом валялись какие-то щепки. Фредерик моргнул. Мысль о сломанной двери мелькнула и тут же исчезла — не до этого. Он открыл кран, умыл лицо холодной водой. Тёр пальцами щёки, подбородок, нос. Вода стекала по шее, но он не замечал холода.

— Смывается... смывается... — бормотал он себе под нос.

Наконец Фредерик поднял голову, посмотрел в зеркало. Мокрое лицо, покрасневшая кожа, но зелёных следов не видно. Он вытерся бумажным полотенцем, ещё раз проверил — чисто. В этот момент дверь туалета скрипнула, и на пороге появился Альфред. Фредерик замер, но не повернулся, а

лишь посмотрел через отражение в зеркале на Альфреда.

— Ну, что ещё?! — Сказал Фредерик холодно и жёстко.

Альфред удивлённо посмотрел на него, не ожидая встречи.

— Ты что, никак домой не пойдёшь? — спросил Фредерик с лёгким раздражением.

Альфред переступил с ноги на ногу, не зная, куда девать руки.

— Вообще-то, я просто шёл в туалет, — сказал он спокойно, стараясь не обращать внимания на тон Фредерика. — А заодно увидел тебя и решил поинтересоваться...

Фредерик перебил, не давая договорить:

— Поинтересоваться, что за зелёная мазня у меня на лице?

Альфред замялся, опустил взгляд.

— Ну... да...

Фредерик глубоко вздохнул, сунул руку в карман и достал оттуда ярко-зелёную гелиевую ручку. Покрутил её, поднёс к свету.

— Это была всего лишь ручка, — сказал он очень спокойно, почти безразлично. — Которая потекла.

Альфред моргнул, глядя на ручку, потом на Фредерика.

— А... понятно.

Фредерик резко развернулся, сунув ручку обратно в карман.

— Я пойду.

— Куда? — машинально спросил Альфред.

Фредерик резко развернулся обратно и почти выкрикнул:

— Да что ты заладил?! Весь день за мной ходишь, даже в туалет за мной пошёл! Иди уже домой!

Его голос громыхнул под кафельными сводами и отразился эхом от стен. Альфред вздрогнул, но не от страха — от неожиданности. Он посмотрел Фредерику прямо в глаза и тихо, искренне сказал:

— Извини.

Фредерик замер. Посмотрел в пол, нахмурился. В голове пронеслось: «Что я так ору, как заведённый? Это из-за того, что он увидел... Но вроде бы он поверил в ручку». Он выдохнул, провёл рукой по лицу, успокаиваясь.

— Короче, Альфред... — сказал он уже спокойным, почти виноватым голосом. — Мне немного неловко, что так получилось. Я не хотел. Просто я... немного нервный сегодня из-за Микко.

Это частично было правдой. Фредерик и сам не понимал, почему на него так накатила волна раздражения. Может, из-за крови. Может, из-за целого дня напряжения. Но кричать на Альфреда, который просто хотел помочь, было неправильно.

— Извини, если что, — добавил он.

Альфред улыбнулся — мягко, без обиды. Он положил руку на плечо Фредерика и сказал:

— Да всё нормально, Фредерик. Я всё понимаю. — Он

чуть сжал плечо, затем убрал руку. — Это ты меня прости. Я ведь общаюсь с Хитчем, так что могу сказать точно: вот он нервный, это да. Ты точно не такой. На первый взгляд...

Фредерик, глядя в сторону, виновато ответил:

— Я рад, что ты понял. Ну... Я пойду.

Фредерик вышел из туалета. Он только что смыл зелёную кровь и старался держать лицо ровным, но чувствовал себя выбитым из колеи. Асами шла по коридору и, увидев Фредерика, остановилась.

— Фредерик! Ты бледный. Всё в порядке? — спросила она.

Асами посмотрела на него с беспокойством, и Фредерик на мгновение растерялся.

— Да, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Просто ручка потекла.

Асами заглянула в свой блокнот, потом подняла голову. Её взгляд был внимательным, почти изучающим.

— Зелёная ручка? У тебя зелёная ручка? — переспросила она.

— Да. Всё так, — ответил Фредерик, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Гелиевая.

— Странно, — сказала Асами. — У меня такой нет. Я бы хотела. Они красивые.

— Ты бы хотела зелёную ручку? — переспросил он с удивлением.

— Да, — сказала Асами совершенно серьёзно. — Я люб-

лю всё необычное. Например, у меня есть ручка с блёстками. И с запахом клубники. И ещё одна, которая пишет тремя цветами.

Она перечисляла свои ручки с таким серьёзным лицом, будто говорила о чём-то важном. Фредерик посмотрел на Асами, на её блокнот, на её серьёзное лицо, на то, как она говорила о ручках с блёстками, и вдруг почувствовал, как напряжение, которое держало его последние минуты, начинает отпускать.

— Ты действительно чудная, — сказал он с улыбкой

Улыбка на лице Фредерика появилась впервые за = день. Асами улыбнулась в ответ — светло, без тени обиды.

— Спасибо, — сказала она. — Я знаю.

Она развернулась и пошла дальше по коридору, легко, будто ничего не произошло. Фредерик остался стоять, смотря ей вслед. «Она странная, — подумал он. — Но это... приятно». Фредерик пошёл в другую сторону, но шаги стали легче. Он поймал себя на мысли, что впервые за день ему хочется улыбнуться.

Альфред остался в туалете один. Он перевёл взгляд на раковину, на мокрые разводы, брошенное бумажное полотенце, лежащую на полу дверь от кабинки.

— Я заметил это только сейчас... — прошептал он вслух. — А... кто это сделал?

Альфред покачал головой, зашёл в соседнюю кабинку. Выйдя, подошёл к раковине, пустил воду и намылил руки,

глядя в зеркало. Весь день он был весёлым, общительным, старался помочь каждому. А теперь, оставшись один, вдруг погрустнел. «Я что, такой навязчивый? — задумался Альфред. — Всего-то хотел подружиться, а, похоже, достал его в первый же день». Он выключил воду и потянулся за бумажным полотенцем. «И ещё Хитч... Человек из прошлого, с которым у нас теперь не так много общего. Но он поступил сюда ради меня, хотел остаться друзьями». Альфред бросил полотенце в мусорное ведро и посмотрел на себя в зеркало.

— Ладно, — сказал он тихо вслух. — Надеюсь, завтра всё будет нормально...

Он вышел из туалета и направился к выходу. Вестибюль постепенно пустел. У гардероба выстроилась небольшая очередь — человек пять, те, кто всё-таки оставлял верхнюю одежду, а не носил её с собой на занятия. В стороне, у колонны, стоял Хитч. Он поймал Альфреда за рукав, когда тот вышел из коридора, и радостно затараторил:

— Альфи, я решил не идти в столовку. Вместо этого я решил подождать тебя. Предлагаю пойти в кафешку, я тебя угощаю. Погнали?

Альфред был расстроен — весь день улыбался, а теперь держал руки в карманах, говорил слегка нахмурившись, и в глазах у него застыла какая-то усталая, невесёлая тень.

— Ну, Альфи, ты согласен? — Хитч заглянул ему в лицо.

— Ок, — коротко ответил Альфред.

— Отлично! — Хитч уже развернулся к выходу, но вдруг

замер. Завис на секунду, глядя куда-то в сторону гардероба.

— Ты чего завис? — спросил Альфред. — Мы идём или нет?

— Да так... — Хитч недовольно буркнул, потирая затылок. — Там твой приятель... Фредерик.

Оба посмотрели в сторону гардероба. Фредерик стоял в очереди, с каменным лицом. Он вернулся, чтобы забрать пакеты. Он почувствовал на себе чей-то взгляд, обернулся и увидел Альфреда с Хитчем. Его уже начало напрягать, что они никак не разойдутся. Весь день староста ходил за ним хвостом, и вот теперь снова. Фредерик был на нервах после эпизода с кровью, после того, как пришлось врать про ручку, после всей этой беготни. Он медленно поднёс указательный палец к шее и провёл им поперёк — жестом, который не оставлял сомнений. «Кирдык тебе, если не уйдёшь».

Альфред испуганно перевёл взгляд на Хитча и тихо сказал:

— Мы с ним всё никак не разойдёмся.

— Хех, — Хитч криво усмехнулся. — Похоже, он нам не рад. Ладно, пойдём отсюда, поедим что-нибудь.

Они развернулись и направились к выходу.

Когда подошла очередь Фредерика, он шагнул к стойке и сказал вежливо, но холодно:

— Я пришёл за своими пакетами. И извинениями. Номерок я отдал ещё тогда, когда вы пробили головой мой нос.

Студент-гардеробщик уже не спал. Он сидел и потирал

ушибленный затылок, смотря на Фредерика с сонной наглостью.

— А, ну, ты прости меня, пожалуйста, — протянул он, не меняя тона. — Я не спал двое суток, честно!

Лицо Фредерика исказилось — не от гнева, а от внутреннего напряжения. Он всё ещё говорил вежливо, но в голосе зазвенел холодок.

— Не ты, а вы.

Студент нахмурился, посмотрел исподлобья:

— Чё? В смысле?

— В смысле — к незнакомым людям принято обращаться на «вы», — Фредерик говорил очень спокойно, почти монотонно, но в этом спокойствии чувствовалась сталь.

Фредерика очень задевало, когда ему тыкали. Особенно когда он сам обращался на «вы». Он мог терпеть разве что преподавателей — и то считал, что это не совсем корректно.

— Да какая разница?! — заорал студент. — Чё ты психуешь? Твой пакет уже забрали, придур...

Он не договорил. Фредерик ударил его кулаком с размаху — прямо в лицо. Коротко и жёстко. Удар пришёлся в челюсть, нос гардеробщика тоже пострадал из-за кольца: он слегка кровоточил. Губа рассеклась. Студент отшатнулся и схватился за лицо, глядя на Фредерика с ужасом. Фредерик, хоть и был спокойным по натуре, всё равно оставался боевым. От полноценной драки его сдерживал лишь страх, что кто-то увидит его зелёную кровь. Но если нужно было разо-

браться быстро и ситуация того требовала — он не колебался. К тому же здесь не было риска порезаться: удар кулаком — костяшки целы, крови нет. А кольцо-инъектор на пальце — на всякий случай. Он просто дал по лицу за то, что с ним разговаривали неподобающе.

Люди в очереди удивлённо зашептались между собой. Кто-то отступил на шаг, кто-то замер с открытым ртом, кто-то покачал головой. Фредерик не обращал на них внимания. Он схватил студента за толстовку одной рукой, притянул к себе и, глядя ему в глаза, произнёс со сталью в голосе:

— Я хочу сказать одну вещь. Никто не смеет меня оскорблять. А кто пытается — тот обычно получает. Я понятно выразился?

Студент испуганно закивал, глотая слова.

— Простите меня, пожалуйста! Я буду обращаться к вам исключительно на «вы»! Только, пожалуйста, отпустите!

Фредерик разжал пальцы. Студент отшатнулся и прижался спиной к вешалкам.

— Ясно. Но лично я на «вы» обращаться к тебе больше не стану, — спокойно добавил Фредерик. — Ты попытался меня оскорбить.

Он посмотрел на него каменным взглядом.

— Короче говоря, где мои пакеты?

Студент замялся, заёрзал.

— Ну-у-у... понимаете... Их забрал ваш друг... Он сказал, что передаст и всё такое...

Фредерик резко перебил:

— Кто? В оранжевой кофте?

— Нет... — студент смотрел виновато, куда-то в сторону.

— В серо-синей... у него были рыжие волосы. Он сказал, что передаст вам...

Фредерик завёлся. Он не кричал, но голос стал жёстче.

— Интересно получается! Я никого ни о чём не просил.

В итоге мои пакеты отданы непонятно кому, а по факту — украдены. Так?

Студент попытался оправдаться:

— Простите, я не знал!

— К чему мне извинения? — сказал Фредерик, скрестив руки на груди. — Я жду возврата моих вещей.

— Простите... — студент растерянно заморгал и указал пальцем на самого себя. — А их что, должен вернуть я?

— А кто? Я? — Фредерик усмехнулся. — Это я виноват, что мои вещи украли? Нет. Мне неважно, кто вернёт — ты или настоящий вор. Разбирайтесь. Готовь деньги. Или отнимай у него пакеты силой. Я не собираюсь жалеть пособника в воровстве.

Студент округлил глаза. «Не понял... Он сказал, что я — пособник в воровстве?» — пронеслось у него в голове.

Фредерик уже повернулся к выходу, но на мгновение задержался и бросил через плечо:

— Ладно. Посмотрим, что будет завтра.

Он вышел из вестибюля. Очередь зашевелилась, загудела

— кто-то возмущался, кто-то, наоборот, одобрительно качал головой. Асами достала из сумки спиртовую салфетку и протянула гардеробщику:

— Держите. У вас губа кровоточит.

Тот взял салфетку, промокнул губу и пробормотал себе под нос:

— Ненормальный какой-то...

3 сентября 2018 года, понедельник. Улица возле университета. Вечер.

Дария нашла Матвея у лавочки рядом с КПП. Он смотрел в улицу, книга была закрыта.

— Мэтт, ты не читаешь? — спросила она.

— Нет. Думаю, — ответил он.

— О чём? — спросила Дария.

— О том, почему ты не уходишь, — задумчиво сказал Матвей.

— Куда? — спросила она.

— Ты не уходишь, даже когда я молчу.

— Я не ухожу, потому что я хочу быть рядом.

— Почему? — спросил Матвей

— Потому что я вижу в тебе что-то, чего ты сам не видишь, — ответила Дария, глядя ему в глаза.

— Что?

— Я не знаю. Но я хочу узнать.

— Ты странная, — сказал он после долгого взгляда на неё.

— Допустим. И мне это нравится, — ответила ему Да-

рия, улыбнувшись. — Возможно, ты думаешь о чём-то ещё, Мэтт?

Он задумался, затем перевёл взгляд на Дарию и ответил:

— О том, почему некоторые люди носят маски. И почему другие пытаются эти маски снять.

— О ком ты? — спросила Дария и замерла.

— О тебе, — ответил Матвей, повернувшись к ней.

Она не знала, что ответить. Матвей открыл книгу, попросился и ушёл. За ними шли Софи и Асами.

— Ну, что скажешь про первый день? — спросила Софи.

— Только честно. Без этой твоей вечной «всё будет хорошо».

— Странно. Но интересно. Мне кажется, здесь будут хорошие люди, — ответила Асами мечтательно.

— Хорошие люди — да, — сказала Софи, — Но есть и те, кто будет пытаться сесть тебе на шею. Ты это видишь?

— Ты всегда видишь плохое, — ответила Асами.

— Я вижу реальное, — серьёзно сказала Софи. — Например, Ролан... Он будет проблемой. У него взгляд как у хорька, который ищет, куда бы влезть. Я бы на твоём месте держалась от него подальше.

— Мы не будем с ним общаться, — сказала Асами.

— Мы не будем, — начала Софи. — Но он будет. Просто имей это в виду, ладно? А то опять начнёшь всех спасать... Ты слишком добрая для этого мира, Асами. А я, знаешь ли, практичная, — сказала Софи.

Глава 11. Оранжевое пятно

3 сентября 2018 года, понедельник. Пиццерия «Peperoni Rosso». Вечер.

Пиццерия «Peperoni Rosso» встретила Альфреда и Хитча запахом расплавленного сыра и томатного соуса с базиликом. Небольшой зал, клетчатый красно-белый интерьер, тусклый свет над столиками. Хитч выбрал место у окна на барных стульях. Отсюда открывался вид на улицу. Они заказали одну пиццу пепперони на двоих и по стакану апельсинового сока с трубочкой. Хитч быстро отхлебнул половину и с довольным видом уставился на дымящуюся пиццу. Альфред сидел слева от Хитча. Он не пил, не ел — просто смотрел на улицу, но не видел ни машин, ни людей. Его лицо было задумчивым, серьёзным — не таким, когда человек решает сложную задачу, а таким, когда внутри что-то болит, но он не показывает. Хитч заметил это, ведь он не был дураком, но решил сделать вид, что не видит, и просто поговорить с другом как обычно.

— Ну, рассказывай, — сказал Хитч, откусывая пиццу. — Как тебе первый день? Преподы? Группа? Тот новенький, Фредерик?

— Нормально, — Альфред пожал плечами.

— «Нормально» — это не ответ, — Хитч прожевал, запил соком. — Ты же весь день улыбался, старостой работал. А

сейчас сидишь как потерянный. Что-то случилось?

— Ничего, — Альфред отпил сок.

Хитч хмыкнул, но настаивать не стал. Он просто переключился на другую тему — начал рассказывать про волейбол, про то, как они с Реном и Евой уже обсуждали будущие тренировки.

Альфред кивал, иногда вставлял короткие фразы, но его мысли были далеко. Он думал о Фредерике. О том, как тот крикнул: «Да что ты заладил? Весь день за мной ходишь!», как холодно смотрел, когда сказал про зелёную ручку, как после этого — извинился. И как сказал, что нервничает из-за Микко.

«Может, он прав, — думал Альфред. — Я действительно навязываюсь. Хожу за ним, лезу с вопросами, даже в туалет за ним пошёл... Кто ж так делает?»

Хитч тем временем рассказывал про свой прыжок в девятом классе, когда он чуть не сломал ногу, но всё равно допрыгал до мяча. Альфред слушал краем уха, кивал. Хитч уже допил свой сок.

— Альфред, ты меня вообще слушаешь? — спросил он, нахмурившись и держа пустой стаканчик.

— Да-да, про ногу, — машинально ответил Альфред.

Хитч внимательно посмотрел на него, потом взял свой пустой стаканчик и сжал его с хрустом. Пластик смялся, трубочка чуть не вылетела.

— Знаешь что, — сказал он, и в голосе его вдруг проре-

залась обида, — я ведь стараюсь. Пытаюсь тебя развлечь, отвлечь, а ты даже не слушаешь. Ты всё время о ком-то другом думаешь.

Альфред перевёл взгляд на Хитча. Увидел нахмуренные брови, сжатые губы, смятый стаканчик в руке — и внутри что-то кольнуло.

— Прости, Хитч, — тихо сказал он. — Я не хотел.

Он тоже взял свой стаканчик — в нём ещё оставался сок — и, не заметив, сжал его. Апельсиновый сок брызнул вверх прямо на грудь. На оранжевую толстовку с надписью «Mşm». Альфред замер, посмотрел на мокрое пятно, расплывающееся по ткани, и не знал, что сказать.

— Да ладно, — Хитч махнул рукой, но голос его звучал невесело. — Не страшно. Это же сок, а не краска.

— Но это твой подарок, — сказал Альфред, глядя на пятно. — Я... берёг её.

— Беречь надо друзей, а не толстовки, — буркнул Хитч. — Ладно, пошли. Дома постираешь.

Хитч встал, сунув руки в карманы. Альфред поднялся следом, всё ещё глядя на пятно.

— Хитч, — позвал он.

— Что?

— Спасибо, что не оставляешь меня одного.

Хитч посмотрел на него долгим взглядом, потом отвернулся.

— Ты бы для меня тоже так сделал. Не парься.

Альфред шёл рядом с Хитчем, чувствуя липкое пятно на груди, и думал о том, что сегодня он подвёл двоих — и Фредерика, и старого друга. И не знал, как это исправить. Хитч молчал, но в этом молчании не было обиды — только усталая, давняя привязанность человека, который привык ждать.

3 сентября 2018 года, понедельник. НИИ. Вечер.

Коридор НИИ пах стерильностью и бумагами. Фредерик шёл медленно. Он бывал здесь сотни раз — после занятий в своём прошлом университете, перед экзаменами, иногда просто так, когда Нед вызывал для очередного теста или проверки. Здание НИИ было связано с университетом, в котором теперь учился Фредерик, тёплым переходом на втором этаже. Фредерик знал каждый поворот, каждую дверь. Но сегодня его шаги были тяжелее обычного. В руках — ничего нет. Пакетов с шоколадом не было. Деньги, которые Нед выдал на покупку, потрачены, а результат — Пустота и вина, которая давила на плечи сильнее, чем десять килограммов молочного шоколада.

«Что и как сказать Неду? Что шоколад украли? Что я не уследил?» — думал Фредерик, поднимаясь на третий этаж. Он остановился у двери лаборатории. Привычный скрип при открывании, привычный запах реактивов. Нед сидел за столом, не поднимая головы.

— Ты пришёл, — констатировал Нед.

— Да.

— Шоколад?

— Шоколада нет, — Фредерик вздохнул.

Нед медленно выпрямился и только потом обернулся.

— Объясни.

Фредерик рассказал — коротко, без лишних деталей. Про студента-гардеробщика, про то, что кто-то забрал пакеты, назвавшись его другом. Про то, что он не успел, не предусмотрел, не доглядел.

— Деньги тоже потрачены, — добавил он.

Нед кивнул. На его лице не было ни злости, ни даже раздражения. Скорее, лёгкое удивление — как будто он смотрел на результат неожиданного, но не фатального эксперимента.

— Сумма незначительная, — сказал он. — Не переживай.

Фредерику стало чуть легче.

— Но, — Нед поднял указательный палец, — дисциплина прежде всего. Ты должен был предусмотреть такой расклад. Оставлять вещи без присмотра в общественном месте... — он покачал головой. — Рассчитывай на себя, а не на других.

— Я понял, — тихо ответил Фредерик.

Он хотел добавить про кровь, про Альфреда, который видел зелёное на его лице, про ситуацию, когда пришлось врать про ручку. Но язык не поворачивался. Нед спросил бы: «Почему не использовал кольцо?» И Фредерик не знал бы, что ответить.

— Ты что-то хотел сказать? — спросил Нед, заметив заминку.

— Нет, — быстро ответил Фредерик. — Ничего. Я пойду.

— Иди, — Нед склонился над микроскопом. — Завтра купишь новый шоколад. Деньги переведу на карту. И в этот раз принеси сразу сюда. Без гардеробных приключений.

— Хорошо, Нед.

Фредерик вышел в коридор и прислонился спиной к стене. Нед отнёсся к пропаже как к пустяку. Действительно, десять килограммов шоколада для профессора — это не те средства, из-за которых стоит портить отношения. Но урок о дисциплине Нед вложил в голову Фредерика чётко. А вот про кровь Фредерик так и не рассказал. И теперь не знал, правильно ли поступил. Он зашагал к выходу из НИИ, стараясь не думать о завтрашнем дне, о зелёных следах от крови, которые он, к счастью, успел скрыть, об Альфреде, о том, поверил ли тот в ручку.

Глава 12. Самурай и математик

4 сентября 2018 года, вторник. Квартира братьев Ашикура. Ночь.

Ночь выдалась тихой и безлунной. Фредерик ворочался. Тело требовало сна, но мозг отказывался выключаться. Проблема Энергетиков: уснуть — целое искусство. Искра не давала покоя, заставляя крутить в голове события дня. Он сел на кровати, упёрся локтями в колени, провёл ладонями по лицу. «Проще всего уснуть, потратив силы физически. Но сегодня я не бегал марафон. Единственное, что помогает, — математика». Он встал, включил настольную лампу и зажёл синюю гирлянду, повторяющую форму синусоиды. Она напоминала, что в математике есть место красоте. Фредерик сел за стол, раскрыл тетрадь и взялся за домашнее задание — построить пять графиков. Год назад Микко просил только два. «Вот и вся разница?» — подумал он. Через полчаса всё было готово. Он откинулся на спинку стула и открыл расписание: на завтра — пять пар. Самый унылый день. Мелькнула мысль не идти, но он решил, что пойдёт.

Кин ждал брата весь вечер, чтобы расспросить о первом дне, но задремал. Когда Фредерик вернулся, Кин уже спал. Фредерик не стал будить его. В 4 : 10 Кин открыл глаза, потянулся к телефону. На заставке — самурай. Время — 4 : 10, заряд — 7 %. «Забыл поставить на зарядку», — вздохнул он.

Поставил. Сквозь щель под дверью пробивался свет — Фредерик не спал. Кин тихо открыл дверь и зашёл в комнату. Фредерик сидел в компьютерном кресле и смотрел в стену; над столом мерцала гирлянда.

— Что, тоже не спится? Как всегда математику решаешь?

— спросил брата Кин, опираясь на дверной косяк.

— Уже решил домашку, — буркнул Фредерик. — Да там и решать нечего.

— И как?

— Прикинь, там тот же самый препод — Микко.

Кин подошёл ближе и опёрся руками на спинку кресла.

— И что? Это плохо?

— Да нет... — Фредерик поморщился. — Просто странно. Он рассказывал то же самое, что и год назад. Слово в слово. Как будто шарманку в голове завёл.

— Ну, может, он просто консерватор.

— Может.

Кин заметил, что брат говорит каким-то недовольным голосом — не на Микко, а вообще. На мир.

— Рик, что с твоим настроением? — спросил Кин. — Пошли попьем чайку? Ты же утащил хотя бы одну шоколадку из недовских? — он подмигнул, давая понять, что шутит.

— Не брал, конечно. Но не в этом дело. Их вообще украли.

— Как? — Кин выпрямился.

— Давай на кухню, — Фредерик встал и потянулся. —

Пока чайник закипит, расскажу.

Кухня была маленькой, но уютной. Бежевый гарнитур, на столе — две кружки: у Фредерика зелёная, у Кина синяя. Они сели друг напротив друга, пока чайник грел воду. Любимый чай Фредерика — чёрный с бергамотом, а Кину нравился любой чай.

Кин насыпал заварку. Дождался, пока вода закипит и залил.

— Ну, рассказывай, — сказал он, прихлёбывая обжигающий чай из синей кружки.

Фредерик начал с самого начала.

— Первым, с кем я по-настоящему познакомился, был староста, Альфред. Он сидел рядом со своим кучерявым другом, но заметив меня, позвал и предложил сесть рядом. В столовой угостил обедом.

— Сам? — удивился Кин.

— Да. Я деньги дома забыл, а он без вопросов заплатил. Потом ещё и подносы за мной убрал. Добрый парень.

— А кучерявый?

— Кучерявый — его друг детства, Хитч. Тот ещё тип: ревнивый, хватает Альфреда за толстовку, орёт. Но вроде безобидный.

Кин кивнул, заинтересованно слушая.

— И что дальше?

— Дальше я пошёл забирать пакеты из гардероба. Оставил их там по совету Альфреда.

— Пакеты с шоколадом? Те самые десять кило?

— Они самые.

Фредерик поморщился.

— Гардеробщик оказался каким-то второкурсником. Он спал на посту. Когда я подошёл, он резко встал и башкой пробил мне нос.

— Кровь? — Кин напрягся.

— Да. Пришлось умыться. Альфред видел зелёные разводы на моём лице.

— И что? Поверил?

— Сказал, что это зелёная ручка потекла. Даже показал ему ручку, которую давно ношу с собой — специально под цвет крови.

Кин усмехнулся.

— А ты сообразительный. И он поверил?

— Кажется, да. Он вообще на тебя похож — такой же доверчивый и вездесущий. Весь день за мной ходил, даже в туалет за мной увязался.

Кин хмыкнул.

— Ладно, а что с гардеробщиком? Почему ты такой злой?

— Он потом начал хамить. Тыкал мне, когда я обращался на «вы». Сказал мне: «Чё ты психуешь? Твой пакет уже забрали, ты, приду...» Я ему вмазал. Одним ударом. Кольцо в носу у него хрустнуло, губу рассек.

— Да ты сегодня прям герой, но драться — это как-то... Нехорошо, — ответил Кин. — И что, пакеты он вернул?

— Нет. Оказалось, он отдал их какому-то рыжему, который назвался моим другом. Описание подходит под одного одноклассника, который сидел на заднем ряду, ухмылялся и пытался всех задирать. Альфред и Хитч его, кажется, уже недолюбливают.

— И что теперь?

— Придётся завтра разбираться. Нед сказал, что купим новый шоколад, но я хочу найти этого рыжего чёрта и хотя бы поговорить с ним. А если не вернёт — навалю.

— Ну, удачи, — Кин отхлебнул чай. — А что ещё было?

Фредерик вдруг задумался. В голове мелькнуло лицо Асами — её мягкая улыбка, её «странный блокнот», то, как она без колебаний помогала Широ, хотя он для неё был почти чужим. Она не лезла в душу, не пыталась разговаривать, просто была рядом — и от этого становилось спокойно. Асами показалась ему удивительно доброй, искренней, какой-то по-настоящему тёплой. Фредерик поймал себя на том, что думает о ней с едва заметной улыбкой.

— Ты чего замолчал? — спросил Кин, заметив его задумчивость.

— Ничего, — Фредерик мотнул головой. — Просто одна девушка сегодня попалась. Асами. Она всё время что-то записывает в свой блокнот. И при этом — удивительно добрая. Искренняя. Не знаю, почему, но она не раздражает.

— Это же здорово! — Воскликнул Кин. — Рад, что у тебя хорошие и добрые одноклассники.

— Да. И ещё один парень был, Матвей. С виду рокер — чёрные волосы, косуха. Но весь день читал учебник по математическому анализу. А когда у нас было окно из-за отменённой пары по английскому, Матвей вдруг заявил, что у него день рождения 23 сентября, и он приглашает всех нас, кроме рыжего. Прямо так и сказал — «кроме того, кто оскорбляет нормальных людей».

— Вау, — Кин оживился. — Рик, ты прямо-таки обзаводишься друзьями. Пойдёшь?

— Конечно же нет. Какие ещё друзья? Я сюда учиться пришёл. Кроме Альфреда, я за день, по сути, ни с кем и не общался.

Кин встал из-за стола и посмотрел на брата сверху вниз.

— Эх, я тебя не понимаю, — сказал он. — Это же отличная возможность завести друзей.

— Кто тебе вообще сказал, что я пришёл в университет, чтобы найти друзей, а не чтобы учиться? — спросил Фредерик, скрещивая руки.

Кин удивлённо поднял бровь.

— Чего же ты вообще хочешь, Рик?

Фредерик выпрямился, скрестив руки на груди, посмотрел брату в глаза и сказал чётко, ясно, без тени сомнения:

— Хочу, как минимум, стать преподавателем математики в вузе. Доцентом, кандидатом наук, потом профессором, доктором, заведующим кафедрой. А то и вообще ректором...

Кин присвистнул и покачал головой.

— Боже... Ну, прямо Нед 2.0... Ну, да ладно. А я вот хочу стать самураем.

Он радостно сверкнул глазами, широко улыбнулся, тоже скрестил руки на груди и встал в позу, глядя на Фредерика с вызовом.

Фредерик едва сдерживал смех, глядя на Кина, но улыбка уже расплзалась по лицу.

— Ага-ага. Кин, я слышал это уже много раз. Смешное желание.

Кин закрыл глаза, улыбнулся язвительно и парировал:

— Ха-ха. Но не смешнее твоего желания быть математиком.

— Это разные вещи, — Фредерик уже не скрывал улыбку.

— Ладно, Рик. Спать уже пора. Ночь всё-таки, — Кин открыл глаза. — А то Нед 2.0 на первой паре уснёт.

— Я не усну, — ответил с усмешкой Фредерик, а затем встал и помыл свою кружку.

— Ага, — Кин зевнул. — Спокойной ночи.

— И тебе.

Они разошлись по комнатам. Фредерик погасил гирлянду, выключил лампу и лёг на кровать, глядя в потолок. «Завтра будет новый день. И он будет лучше» — подумал он.

Глава 13. Кофе и чизкейк

4 сентября 2018 года, вторник. Квартира братьев Ашикура. Утро.

Утро перед занятиями выдалось облачным, но с переменным успехом — солнце то пряталось за тучами, то снова выглядывало, заливая комнату желтоватым светом. Фредерик оделся так же, как и вчера. На улице было не холодно и не жарко. Вчера при такой же температуре воздуха он чувствовал себя комфортно.

Фредерик вышел в гостиную с серьёзным лицом, почти хмурым. Кин сидел на диване, увлечённо играя во что-то в телефоне. Рядом с диваном, в углу, стоял торшер с абажуром. Кин был увлечён игрой так, что даже не поднял головы на шаги брата.

Фредерик остановился в дверях.

— Кин, я уже собирался уходить, но думаю, что должен тебе кое-что сказать...

— Вау, и что же? — Кин не оторвался от экрана.

Фредерик подошёл, сел на диван слева от брата.

— Когда я сказал, что стать самураем — смешная цель... я не это имел в виду.

Кин отвлёкся и посмотрел на него. Телефон замер в руке.

— Да? А что тогда?

— Просто ты говоришь об этом уже столько лет, что я

просто-напросто перестал воспринимать это всерьёз.

Фредерик помолчал, затем добавил:

— Короче, хочешь совет?

— Какой?

— Подвинься ближе.

Кин настороженно подвинулся.

— Слушаю, — сказал он серьёзно.

Фредерик наклонился к его уху и произнёс почти шёпотом:

— Просто сделай уже что-нибудь.

И усмехнулся — уголком губ, чуть заметно. Кин медленно перевёл на него взгляд. В глазах застыла не то обида, не то вызов.

— Ты думаешь, я не смогу?

— Я уже ни о чём не думаю, — Фредерик говорил серьёзно, нахмутив брови. — Просто не говори, если не собираешься ничего делать. Не будь треплом.

Он сказал это не со зла, но в его голосе звучала жёсткая прямота, которая иногда обижала сильнее, чем крик. Фредерик не хотел обидеть брата — он хотел заставить его задуматься. Фредерик искренне считал цель Кина — стать самураем — глупой шуткой. Ну, какие в двадцать первом веке самураи? То ли дело стать математиком. Это реально. Это можно измерить дипломами, научными статьями и степенями. Кин закрыл глаза, медленно встал с дивана, выдохнул и тихо сказал:

— Ясно.

— Не знаю, что входит в твоё понятие «самурая», — добавил Фредерик, глядя на брата. — Но начни уже ему соответствовать.

Кин стоял напротив, засунув руки в карманы. Смотрел сверху вниз на сидящего брата.

— Но вот что, Рик... — его голос был спокойным, но в нём чувствовалась сталь. — Ты пытаешься меня жизни учить... Что, если я стану счастливее тебя?

Фредерик посмотрел на него серьёзно, без тени улыбки.

— Да стань ты уже кем-нибудь. Кто тебе мешает?

Оба замерли на несколько секунд. В гостиной было тихо. Кин первым вышел из комнаты, не оглядываясь. Фредерик остался сидеть на диване, глядя на торшер в углу. Внутри у него было странное чувство — будто он только что наступил на что-то хрупкое, но не смог остановиться. «Может, я слишком жёстко? — подумал он. — Нет. Он должен понять. Слова без действий ничего не стоят». Фредерик встал, проверил карманы. Вышел из квартиры и пошёл в университет.

4 сентября 2018 года, вторник. Дорога в университет. Утро.

Лев и Люси шли по улице вместе. Они жили на одной лестничной клетке, поэтому с детства дружили и проводили много времени вместе. Сегодня Лев вышел на учёбу в чёрных джинсах и светлой джинсовой куртке, а Люси — в тёмно-синих джинсах и белой водолазке. Лев нёс в руках боль-

шую коробку, перевязанную бечёвкой. Они шли неспешно, разговаривая о пустяках. Лев обычно ходил с серьёзным и невозмутимым лицом, лишь Люси иногда удавалось вызвать на его лице улыбку.

— Лёва, — сказала Люси, заглядывая ему в лицо, — я очень рада, что твои царапины оказались неглубокими. Но, наверное, всё же стоило пару дней походить с пластырями.

Льву было приятно, что она заботится о нём. Он слегка улыбнулся редкой, тёплой улыбкой, которую берег только для Люси.

— Спасибо за заботу, Люси. Но с поступлением кислорода всё должно зажить быстрее.

Люси кивнула и, кажется, удовлетворилась ответом.

Фредерик вышел из дома около восьми. Утро было прохладным, но не холодным, облака бежали по небу, иногда пропуская солнце. Он шёл по пустынной улице, погружённый в свои мысли, когда услышал знакомые голоса. Он оглянулся и увидел своих одноклассников — вчерашних Льва и Люси. Оказалось, они жили в том же районе. Фредерик замедлил шаг и вспомнил слова Кина: «Это же отличная возможность завести друзей». Может, стоит поздороваться? Но они куда-то шли с коробкой, не хотелось бы мешать. Фредерик уже почти решил пройти мимо, когда голос Люси ворвался в его размышления:

— Ой, привет! Мы ведь не успели познакомиться вчера. Фредерик остановился.

— Приветствую. Я Фредерик.

— Лев, — коротко представился парень.

— Люси! Очень приятно, — девушка улыбнулась.

Они поздоровались, и повисла небольшая пауза.

Фредерик, вспомнив слова Кина о том, что стоит подружиться с одноклассниками, решил первым разбавить тишину:

— Куда идёте, если не секрет?

Люси ответила дружелюбно:

— Мы идём на почту, отправлять посылку в армию.

— Моему брату, — коротко добавил Лев.

Фредерику вдруг стало интересно. Он вспомнил, как Альфред вчера проявлял инициативу, как это в итоге привело к нормальному общению. Может, и ему стоит попробовать?

— Могу ли я составить вам компанию? — спросил он.

И тут же, с удивлением, осознал, что Альфред вчера вообще не был «прилипалой». Он просто был хорошим, вежливым парнем, который хотел помочь. Фредерику стало немного стыдно за вчерашнюю грубость.

Лев вопросительно посмотрел на Люси. Он испытывал к ней романтические чувства, которые выражались в разных мелочах: в том, как он поправлял сумку на её плече, как пропускал вперёд, как смотрел, когда она не видела. И время, проведённое с Люси наедине, было для Льва особенно ценным. Присутствие Фредерика нарушало эту привычную атмосферу.

— Конечно, — сказала Люси и обратилась ко Льву, улыбаясь: — Лёва, ты же не против?

— Да, — коротко ответил Лев. — Не против.

И подумал: «Чего спрашивала, если уже всё решила сама?»

4 сентября 2018 года, вторник. Почта. Утро.

Они подошли к почте. Небольшое здание с вывеской, внутри пусто. Люси, заглянув в талон, радостно воскликнула:

— У нас талон номер один!

Лев улыбнулся. Фредерику показалось, что он улыбнулся какой-то глупой, ничем не примечательной фразе — и вдруг добавил:

— Тут кроме нас никого нет. Естественно, мы будем первыми.

Посылку отправили быстро. Коробку взвесили, наклеили марки, выдали чек. Они втроём вышли на улицу. Фредерик молча составлял им компанию, и внутри уже закрадывалась мысль, что он был прав изначально: не стоило присоединяться. Он чувствовал себя лишним. Ему было неловко, но и уйти просто так он не мог — это было бы невежливо.

Люси, шагая рядом со Львом, сказала:

— Надеюсь, *Гарри* получит посылку как можно скорее. А уже через три недели мы его увидим!

— Да, — ответил Лев. — Быстро доставят.

Лев помолчал, а затем добавил: — Может, пойдём пере-

кусим?

Фредерик заметил, как загорелись глаза Люси при упоминании имени «Гарри», и понял, что она явно испытывала романтические чувства не ко Льву, а к его брату. И, кажется, даже не пыталась это скрывать — просто не замечала или не придавала значения тому, как реагирует на это Лев. А Лев... он просто старался не замечать. Или делал вид. Фредерик, молчаливо наблюдавший за ними, понял это сразу. Ему стало искренне жаль Льва.

Старший брат Льва, девятнадцатилетний Гарри, был полной противоположностью своему младшему брату. Рыжие, слегка растрёпанные вьющиеся волосы, широкая улыбка, весёлые серые глаза. Он служил в армии, в воздушно-десантных войсках, и уже успел стать для Льва и Люси кем-то вроде героя. Люси вспоминала о нём с восторгом: как он шутил, как защищал их в детстве, как умел рассмешить даже в самой грустной ситуации. Лев относился к брату сдержанно, но в его глазах тоже светило уважение. Гарри был тем человеком, который умел жить полной жизнью. Люси, похоже, хотела быть частью этой жизни.

Люси, заметив, что они немного заболтались, а времени до начала занятий было ещё достаточно, вдруг предложила:

— У нас сегодня целых пять пар. И сейчас у нас ещё есть немного свободного времени. Кажется, я знаю, куда мы можем пойти.

— Куда? — спросил Лев.

— У вас ведь есть с собой студенческие билеты? Вчера я взяла три листовки. Там было написано, что в новой кофейне студентам по студбилету — только с восьми до восьми тридцати, в честь открытия и на протяжении всей недели — дают чашку кофе и два чизкейка по листовке. Цена вопроса — всего сто пятьдесят рублей.

Лев слегка оживился.

— То, что нужно для студентов. Конечно, билет есть.

— Фредерик, а у тебя? — спросила Люси.

— Да, конечно, — ответил он, и они направились в кофейню.

4 сентября 2018 года, вторник. Кофейня «Кофе и чизкейк». Утро.

Новенькое, чистое заведение под названием *«Кофе и чизкейк»* встретило их приятным запахом кофе и выпечки. Пахло ванилью и корицей. Внутри было почти пусто. Они решили занять столик в углу — Лев и Люси сели рядом, Фредерик сбоку, перпендикулярно, ближе ко Льву. За четыреста пятьдесят рублей на троих им принесли три чашки кофе и шесть кусочков чизкейка на высоком подносе-тарелке.

Они начали разговаривать. Фредерик постепенно влился в беседу. Люси, болтливая и открытая, рассказывала о себе, о том, как они со Львом дружат с детства, как живут на одной лестничной клетке, что Гарри — её любимая тема — «самый крутой парень на свете». Лев старался говорить, но сейчас у него это плохо получалось: при Люси он говорил

больше обычного, иногда невпопад, словно терял привычную сдержанность. Но присутствие Фредерика не позволяло Льву расслабиться полностью, и он то и дело замолкал, глядя в чашку.

Фредерик пил кофе, слушал и кивал. Он заметил, что Лев, ещё вчера серьёзный и невозмутимый, сейчас, при Люси, улыбался и словно светился изнутри. В университете вчера он не улыбался ни разу — значит, делал это только в её присутствии, вне стен учебного заведения.

После паузы Фредерик отставил чашку и спросил серьёзно:

— Кстати, Лев, что случилось с твоим лицом? Царапины свежие... Я это ещё вчера заметил.

Люси ответила вместо Льва:

— Фредерик, а ты не знаешь почему?

Фредерик удивился:

— Да откуда же мне знать, ребята? Я ведь с вами только сегодня познакомился, а сейчас решил спросить.

Лев с лёгкой грустью смотрел в чашку, не решаясь начать. Люси вздохнула, отложила чашку и сказала:

— Тогда я расскажу.

Она рассказала про Широ, про то, как он в туалете уронил дверь на себя, и как эта дверь задела Льва. Про то, что Широ говорил Льву, чтобы тот украл пакеты Фредерика, и как в итоге сам попал в нелепую ситуацию.

— Так что в какой-то степени Лёва защитил тебя, — до-

бавила Люси с лёгкой грустью.

Лев молчал, подперев левой рукой подбородок. Фредерик серьёзно посмотрел на него.

— Спасибо, — сказал он.

Лев кивнул, а затем рассказал подробнее: что Широ на самом деле жертва, а виноват во всём Ролан.

— Да... — подтвердил Фредерик. — Этот Ролан в итоге ещё и украл мои пакеты.

— Он в первый же день всех достал, — негромко сказал Лев.

— Ещё как, — добавила Люси.

Лев скрестил руки на груди и начал говорить про Широ.

— Он травил его с седьмого класса, облив его кипятком. Поэтому он прячет свои ожоги под чёлкой и шарфом. Он, может, слегка туповат, но вроде парень неплохой.

Он замолчал на секунду, глядя в сторону, потом добавил уже тише, будто размышляя вслух:

— Точнее... он мог бы стать неплохим. Пока он просто тюфяк и тряпка. Но я ему уже немного помог вчера, придав уверенности. Он даже смог посмотреть своему страху в глаза. Я, если честно, даже испытал небольшую гордость за такого слабака, как он.

Фредерик заметил, как Лев чуть заметно поморщился, когда произносил последнюю фразу. В голове Льва мелькнула картинка: Асами, сидящая на корточках перед Широ в коридоре, ловко завязывающая ему шнурок, — и он почувство-

вал глухое раздражение. «Сам помог, сам придал уверенности, — подумал Лев. — А она... она просто нянчится с ним, как с ребёнком». Лев дёрнул плечом, прогоняя мысль.

— Но ему ещё расти и расти, — добавил он уже жёстче. — Если сам не научится стоять на ногах, никакая помощь не поможет.

Фредерику стало ещё понятнее, почему вчерашний рыжий тип так уверенно себя вёл. Он спросил:

— Почему Ролан заставил Широ напасть именно на тебя? Лев нахмурил брови:

— Да кто ж его знает, этого неадекват. Вроде как просто под руку попался. Я заходил в туалет, когда они стояли вдвоём., Он как раз стоял там и ухмылялся, поглядывая на меня. Он произнёс это с явным презрением к Ролану.

— Я бы хотел вправить ему мозги.

Фредерик поднял на него спокойный и твёрдый взгляд, полный уважения, затем добавил:

— Я возьму это на себя.

Лев посмотрел на него долгим, таким же уважительным взглядом и кивнул. Больше они к этой теме не возвращались. Кофе был допит, чизкейки съедены. Пора было идти в университет на первую пару, лекцию по истории.

— Сегодня лекция по истории первой парой, — сказал Лев, взглянув на часы. — Пора.

Глава 14. Трамвай

4 сентября 2018 года, вторник. Фортусбург. Военская часть. Утро.

Сержант *Шакро* стоял у турника, прислонившись плечом к стойке. Двадцатилетний сержант был высок, подтянут, и даже в расслабленной позе чувствовалась его скрытая сила. Короткие чёрные волосы с небольшой ранней сединой на висках, спокойные серые глаза, крупный нос с небольшой горбинкой, мужественное лицо. Зелёная форма сидела на нём безупречно, голубые погоны сержанта на плечах, а на левом рукаве красовались нашивки о специальных курсах — ничего лишнего, только то, что действительно имело значение. Он курил, но не сигарету, а папиросу. Держал её в уголке рта, дым тянулся тонкой струйкой вверх, растворяясь в сером небе. Шакро не любил сигареты: они казались ему слишком лёгкими, несерьёзными. Папироса же — это ритуал. Отмеренный глоток времени, когда можно никуда не спешить.

Рядом, переминаясь с ноги на ногу, стоял ефрейтор Гарри, на лице которого сияла улыбка. За полгода службы он получил звание ефрейтора — быстро, почти неожиданно. Шакро тогда только усмехнулся по-доброму и сказал: «Заслужил».

— Товарищ сержант, — Гарри козырнул скорее по привычке, чем по уставу, — Через несколько дней ваш день рож-

дения. Мой брат с моей... — он запнулся, — подругой должны отправить мне посылку. Там будет кое-что и для вас.

Шакро чуть повернул голову и слегка улыбнулся — то ли усмешка, то ли улыбка. При слове «подруга» в глазах мелькнул лукавый огонёк. Он не стал уточнять, что за подруга. Не его дело.

— Передавай спасибо, — негромко сказал он и выпустил колечко дыма.

Они помолчали. Смотрели в небо — низкое, осеннее, с рваными облаками. Где-то кричали вороны. Гарри переступал с ноги на ногу.

— Товарищ сержант, я верю, вы скоро станете лейтенантом, — сказал он вдруг. — Честно.

Шакро посмотрел на него долгим, внимательным взглядом. Потом улыбнулся — по-настоящему, тепло.

— А ты успеешь стать младшим сержантом, Гарри.

Гарри не сдержал усмешку, но тут же покачал головой:

— Спасибо, что верите в меня, товарищ сержант, но мне осталось три недели до дембеля. Вряд ли что-то случится за это время.

Шакро глубоко затянулся, выдохнул дым, глядя куда-то вдаль, тихо сказал:

— Кто знает.

Гарри хотел спросить, что сержант имеет в виду, но посмотрел на его спокойное выражение лица и передумал. Шакро не любил объяснять то, что должно случиться само. Ес-

ли он сказал «кто знает» — значит, знает что-то, чего Гарри пока не дано понять.

— Иди. И жди посылку.

— Есть, — ответил Гарри и, козырнув, направился к строю.

Шакро остался стоять у турника, глядя в небо. Оставалось три недели до дембеля Гарри и пять дней до его собственного дня рождения. А там — кто знает. Может, успеют дать новое звание. Может, нет. Но папиросы он курить не бросит. Это точно.

4 сентября 2018 года, вторник. Дорога в университет. Утро.

Лев, Люси и Фредерик вышли из кофейни. Часы показывали 8:45. Первая пара начиналась в девять, и они уже опаздывали.

— На автобусе доедем минут за пятнадцать, — сказал Лев, взглянув на часы. — Опоздаем, но не сильно.

Люси кивнула, и они уже сделали шаг вперёд, как вдруг небо сыпануло мелким, неожиданным морозящим дождём. По прогнозу его не было, но сентябрь есть сентябрь — капризный, переменчивый.

— Дождь... — протянула Люси.

— Ну, и погодка — сказал Фредерик, подставляя ладонь под капли дождя.

Они стояли у выхода из кофейни, глядя на трамвайные пути, тянувшиеся прямо перед ними. Рельсы блестели от

влаги. Нужная им автобусная остановка находилась на пересекающейся дороге — перпендикулярно трамвайным путям.

— Чтобы доехать на автобусе, нужно перейти две дороги: эту и перпендикулярную ей, — сказал Лев, оглядываясь по сторонам. — Но сначала пропустим трамвай.

Издали доносился характерный гул. Трамвай приближался, мягко покачиваясь на рельсах. Он шёл в сторону больницы — противоположную от университета.

Фредерик взглянул на прибывший трамвай. Он всегда любил трамваи, особенно старые за их неторопливый ход, мерный стук колёс и даже старого дерева. Прибыл как раз именно такой. Когда трамвай остановился и двери открылись, выпуская нескольких пассажиров, Фредерик машинально скользнул взглядом по окнам и замер. У окна, сидел Ролан. Голова запрокинута назад, глаза прикрыты. Лицо красное, опухшее — щёки покрывала мелкая сыпь, под глазами залегли тени. Волосы растрёпанные и влажные, будто он только что вышел из душа.

«Аллергия? — подумал Фредерик. — Неужто обожрался украденного шоколада?» Он едва заметно хмыкнул. Ролан выглядел так, будто его переехал грузовик — жар, пот, мешки под глазами. Ещё и ехал в сторону больницы. Фредерик резко развернулся ко Льву и Люси.

— Ребята, езжайте без меня. У меня появились кое-какие планы по восстановлению справедливости...

Лев поднял бровь:

— Ты хочешь сесть на этот трамвай? Он идёт в другую сторону.

— Да, — уверенно ответил Фредерик. — Наверное, я сегодня опоздаю. Ну, ничего. Надеюсь, Альфред не заскучает. Люси озабоченно посмотрела на него:

— Ты уверен?

— Вполне.

Фредерик подошёл к дверям трамвая, приложил карточку к валидатору, обернулся и помахал рукой.

— Увидимся!

Он зашёл внутрь. Двери закрылись, трамвай мягко тронулся. Фредерик натянул водолазку до самых глаз, закрыл рукой лицо, будто поправлял волосы, и быстрым шагом прошёл мимо Ролана. Мельком взглянул на него из-за щели между пальцами и сел прямо за ним. Когда трамвай набрал ход, Фредерик стянул водолазку, откинулся на спинку сиденья и уставился в затылок Ролана. «Этот дебил едет в сторону больницы, а не на занятия? Чего у него рожа красная и опухшая? Аллергия? Неужто от украденного шоколада он покрылся аллергической реакцией?» Фредерик едва заметно усмехнулся. Ему не было ни капли не жалко вора. Он решил проследить за ним: выйти на той же остановке и потребовать ответ. Трамвай покачивался на рельсах. За окном моросил дождь. Фредерик сидел, не сводя глаз с Ролана, и ждал.

На следующей остановке, куда должен был прибыть трамвай, на скамейке у путей сидели два молодых парня. Оба бы-

ли одеты в форменные жилеты контролёров — синие, с блестящими нашивками, поверх обычной одежды.

Нобу Вейн — среднего роста, с вьющимися отросшими серо-сиреневыми волосами и длинными отдельными прядями, с цепким, чуть нахальным взглядом больших серых глаз и мешками под ними.

Такуми Вайс — повыше, худощавый, с более спокойными чертами лица, едва заметными веснушками и узкими серыми глазами с небольшими мешками под ними, тёмно-серо-зелёными отросшими волосами. У обоих парней было по небольшому серебряному кольцу в левом ухе. Нобу постоянно ёрзал и вертел в пальцах монетку. Такуми сидел ровно, сложив руки на коленях, и смотрел на трамвайные пути. Друзья решили попробовать себя в новой работе — контролёрами в трамвайном парке. Пока что получалось не очень.

— Да, братан... — вздохнул Нобу, откидываясь на стену остановки. — Видимо, работа контролёров не для нас...

Такуми чуть улыбнулся:

— А как же справедливость?

Нобу ухмыльнулся в ответ:

— Точняк! Нас нельзя увольнять. Мы выполняем полезную функцию. Ловим зайцев. Слушай, помнишь, как я вчера в трамвае навалял четверым зайцам? Но не за то, что они не заплатили, а за то, что они не заплатили и попытались со мной подраться?

Такуми кивнул и сказал устало:

— Ну, да. Ты их завалил. А ведь камера всё записывала...

— Да, — Нобу усмехнулся, — начальник тогда позвонил мне, когда я сидел в трамвае, и орал в трубку: «Вейн, ты что себе позволяешь?! Нельзя бить людей! Ещё раз такое сделаешь — я тебя уволю!!!»

Такуми помолчал, потом сказал:

— Слушай, Нобу. Мы ведь с тобой любим трамваи. Но мне как-то запаadlo быть контролёром. Я пошёл с тобой вместе, только чтобы поддержать тебя. Ты не хотел бы сразу пойти учиться на водителя трамвая? Что скажешь?

— Хорошая идея, — Нобу кивнул. — Но давай напоследок отработаем день. Вообще, даже если я наваляю зайцам и кроликам сегодня — начальник пусть хоть с пеной у рта орёт, но зарплату заплатить обязан. А на эти деньги мы с тобой сходим, поедим.

Трамвай показался из-за поворота, покачиваясь на рельсах. Такуми встал первым:

— Ну, давай. Только лучше первым делом идти не есть, а стричься. Тут парикмахерская новая открылась, недорого. Сходим туда вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.